

№10
Октябрь 2006

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

СВЕЖИЙ ВЕТЕРОК
ЛИТЕРАТУРНО—
ТЕАТРАЛЬНОГО
САНКТ—ПЕТЕРБУРГА

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№10⁽¹³⁾
Октябрь 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИЯ	ПАРАД ЗВЕЗД	4
ШЛЕЙФ ПРОШЛОГО	МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ	7
ПРЕМЬЕРА	НА «ДНЕ» ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА	10
НОСТАЛЬГИЯ	«ГРУЗИЮ ЛЮБЛЮ ДАВНО, ГЛУБОКО И НЕЖНО»	14
ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ	«СО МНОЮ ЗРИТЕЛИ УЛЕТАЛИ...»	16
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ИСТОРИЯ ПРИМИРЕНИЯ	21
КИНОКЛУБ	«В ГРУЗИЮ НАДО ПРИЕЗЖАТЬ СНИМАТЬ КИНО»	24
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	«ЛИШЬ ИСТИНА ОКАЖЕТСЯ ПРАВА...»	28
ЮБИЛЕЙ	СОХРАНЕННАЯ ЛЕГЕНДА	33
ПРИЗНАНИЕ	ЗАЖГЛАСЬ ЗВЕЗДА «ЧЕЛОВЕКА – ХРАМА»	36
СВЕРХЗАДАЧА	УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР УДИВИТЕЛЬНОГО МИРИАНА	38
КОРНИ РОДА	ПОСЛАННИКИ ВЕЧНОСТИ	40
ЛЕГЕНДАРНАЯ	АККОРД ЕЩЕ РЫДАЕТ	44
ПАЛИТРА	ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИИ	46
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	О ТБИЛИССКОЙ ОПЕРНОЙ «МОЦАРТИАНЕ»	48
О, СПОРТ!	ЛЫЖНЯ В СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЕ	52

ПАРАД ЗВЕЗД

«Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и с мест они не сойдут» - эту известную формулу Киплинга старается опровергнуть столица Азербайджана Баку. Осень здесь называют «парадом звезд». В начале сентября Баку стал местом встречи западных и восточных кинематографистов, здесь проходил VIII Международный кинофестиваль «Восток – Запад», собравший до 20 стран-участниц. Не успели погаснуть звезды кино, как на Баку обрушился первый Международный фестиваль русской книги в рамках Года России в Азербайджане. Фестиваль был организован Федеральным Агентством по печати и массовым коммуникациям РФ, Министерством культуры и туризма Азербайджана и информационным телеграфным агентством России ИТАР-ТАСС и проходил под патронатом президентов РФ и Азербайджана.

Но это не была встреча литераторов двух стран, Баку собрал русскоязычное пространство из разных уголков света: Израиля, Сербии, стран Балтии, Центральной Азии, Украины, Грузии, Греции, Финляндии, Германии и даже Никарагуа. Высокий статус фестиваля подтверждала встреча делегации участников с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым и его приветственное письмо, озвученное на открытии. В нем было особо отмечено, «какое место занимает русская классическая литература в образовательном пространстве Азербайджана, сумевшем сохранить как русскоязычные школы, так и обучение на русском языке во всех вузах страны... Проведение

такого фестиваля в Баку вслед за Всемирным конгрессом русской прессы и юбилеем ИТАР-ТАСС является для нас ярким показателем эффективности нашего сотрудничества».

С точки зрения политики акция имела свой смысл, а для участников и любителей словесности это был настоящий праздник русской книги. Фестиваль проходил в центре города, в Национальном парке у моря, и там, во Дворце спорта ручных игр был развернут фестивальный городок. Огромное количество бакинцев посетило его за эти два дня. Здесь было на что посмотреть - 15 тысяч книг на русском языке было привезено гостями. Книги, разные по жанру и направлениям знаний разных издательств - и ведущих российских, и зарубежных - в день открытия красовались на стендах. Интерес был неподдельный, тем более, что на следующий день открылась выставка-продажа, и любую понравившуюся книгу можно было купить по супернизкой цене, не превышающей три доллара. Желающих приобрести ценные экспонаты было предостаточно. Предназначенные для продажи экземпляры быстро исчезали со стендов, а тысячи книг по окончании фестиваля были переданы в Национальную библиотеку и Фонд Гейдара Алиева.

Грузия была представлена несколькими книгами на русском языке издательств «Мерани», «Планета», Тбилисского университета, а на стенде для всеобщего обозрения был выставлен новый общественно-художественный журнал «Русский клуб» и юбилейное издание к 160-летию Тбилисского русского драмати-

ческого театра им. А.С. Грибоедова. Надо сказать, что журнал пользовался большим спросом, и сотня экземпляров разных его номеров быстро разошлась среди гостей на открытии фестиваля. Приятным было особое внимание к журналу нашего московского коллеги, главного редактора журнала «Дружба народов» Александра Эбаноидзе, передавшего «Русскому клубу» свои пожелания.

Главной достопримечательностью бакинского фестиваля стали звезды русскоязычной словесности разных национальностей – Чингиз Айтматов, Давид Маркиш, Олжас Сулейменов, Анар Анаров, Эдуард Успенский, Леонид Жуховицкий, Александр Эбаноидзе, Михаил Козаков, Татьяна Устинова, Дмитрий Быков... Всего гостей прибыло около 150 – прозаики, поэты, барды, издатели, общественные деятели, журналисты.

Программа фестиваля была чрезвычайно насыщенной - встречи и дискуссии, вечер русской поэзии, концерты мастеров искусств Азербайджана, поездки в регионы. Бакинцам удалось пообщаться с прибывшими на форум знаменитостями, получить желанные автографы, послушать стихи и прозу, бардовскую песню в авторском исполнении Сергея Никитина и Вероники Долиной. У гостей все было расписано по часам. Началось все с торжественного посещения Аллеи почетного захоронения и Аллеи шейхов, а потом круглые столы, обсуждения, посещение городских музеев, поездки в древнюю азербайджанскую столицу Шамахе, в районы Губе, Хачмазе, где компактно проживают представители нацменьшинств.

В первый же день одна из самых запоминающихся встреч прошла в Фонде Гейдара Алиева – роскошном современном здании в восточном стиле, где гостей принимала супруга президента Мехрибан Алиева. В беседе за круглым столом она произвела на всех огромное впечатление своим аристократизмом и широтой эрудиции. Посол доброй воли ЮНЕСКО, депутат Милли Меджлиса госпожа Мехрибан Алиева возглавляет фонд со дня его основания. За три года фонд завоевывал большой авторитет. И не удивительно, судя по результатам. Работа фонда в первую очередь направлена на установление диалога между цивилизациями, но основной приоритет – развитие азербайджанской науки и образования. В рамках программы «Обновляющемуся Азербайджану – новую школу» за первые четыре месяца 2006 года были построены 132 школы, причем в отдаленных горных районах республики. «Многие не верили, относились скептически, мол, как это возможно. Но мы доказали, что если есть умение правильно наладить работу, любая проблема в течение короткого периода находит свое решение», - пояснила госпожа Мехрибан. Строительство и обновление школ продолжается, при них создаются библиотеки, расширяется внеклассное обучение. Так что книжные дары фестиваля, в том числе 400 редких книг от России и авторские книги, лично подаренные госпоже Мехрибан, оказались фонду очень кстати и были встречены с благодарностью.

Кроме книг, президенту фонда был вручен неожиданный подарок. Директор Тбилисского русско-

го драматического театра им. А.С. Грибоедова Николай Свентицкий преподнес в качестве музейного экспоната памятную фотографию – Гейдар Алиев с труппой грибоедовского театра во время гастролей в Баку в 1981 году. При этом было отмечено, что Гейдар Алиев был тонким знатоком и ценителем искусства, вспомнили также о том, что он учредил пожизненный президентский грант выдающимся деятелям

В фонде Гейдара Алиева

На выставке

Подарки фонду

Греческая классика XX ВЕК
Йоргос Сеферис
Встречи с античностью

культуры Азербайджана. Как продолжение давних культурных связей возникло предложение грузинской стороны провести новые гастроли тбилисского русского театра в Баку, под патронажем Фонда Гейдара Алиева и его президента.

Знакомство с сегодняшним Баку, его жизнью и культурой было приятным для всех, но и профессиональные интересы не забывались. И главный из них - восстановить старые и завязать новые связи с литераторами и издателями. Практически это была первая общая встреча коллег за последние 15 лет кардинальных перемен. Собранным было чем поделиться друг с другом, было что обсуждать.

Основная проблема - литературно-информационный вакуум Стран Содружества, где новые имена авторов неизвестны за пределами своей страны, потому что нет переводов. В связи с этим за круглым столом в бакинском Доме писателей, который сохранил свой статус и продолжает активно действовать, эта проблема обсуждалась горячо. Встал вопрос о возобновлении практики госзаказа литературных переводов и о необходимости поддержки журнала «Дружба народов», единственного на сегодняшний день издания, публикующего на русском языке литераторов постсоветского пространства. Выступление Александра Эбноидзе, озвучившего острые проблемы, было поддержано. Обнадежило его сообщение о том, что сам президент Ильхам Алиев на официальной встрече дал указание на подписку номеров журнала для азербайджанских читателей.

В том, что интерес к русскому языку в Азербайджане не иссякает, гости убеждались на

каждой встрече. Как объяснила мне сидевшая рядом преподаватель математики Бакинского университета, на каждом факультете есть русский сектор, и цели у студентов вполне прагматические - если не знать русский язык, как получать новейшую информацию по специальности и как общаться с ближайшими соседями, с коллегами из стран СНГ?

Встреча со студентами бакинского Славянского университета осталась самой памятной. Битком набитый огромный актовыв зал, где присутствовали все кафедры. И большой неподдельный интерес молодежи. В зале звучала поэзия переkreщивающихся языков: как музыкальные потоки лились стихи с переводами на русском, азербайджанском, испанском языках. После выступлений все хлынули за автографами, и общение продолжалось. «Мы все очень соскучились по русской книге», - сказал в заключение ректор БСУ Кямал Абдуллаев.

Не менее насыщенными были встречи гостей-литераторов в узком кругу. В фойе гостиницы образовались этикие «клубы по интересам». Знакомились авторы книг, знавшие друг друга лишь по публикациям, тут же шли литературные обсуждения, кто-то рассказывал о своей стране, рядом давали интервью бакинским журналистам. Издатели интересовались новыми книгами и самими авторами, завязывались деловые контакты, возникали идеи реального сотрудничества и совместных проектов. Живой интерес проявляли к книжному магазину «Русская книга». В частности, директор по маркетингу московского издательства «Европа» Инна Липатова предлагала решать вопрос поставки новых книг за пределы России на уровне специальной программы: «Московские издательства хотели бы иметь возможность информировать о своих новинках в литературном и общественно-политическом процессе, они могут оперативно поставлять новые исследования, сборники, брошюры. Пора внести на книжный рынок международный компонент».

Интересные идеи международных связей высказывал Олег Воловик из Будапешта - главный редактор издательства «Интерпрессфакт» и президент Фонда культурного и духовного наследия. Это фонд гражданского сотрудничества. Одна из его программ «Культура против терроризма», ее задача - вырабатывать и находить язык общения между разными нациями на духовном уровне. И еще Олег Воловик предлагает создать Союз русскоязычных писателей зарубежья, ведь творческие люди - выходцы из России разбросаны по всему миру. Эту идею поддержала и поэт из Никарагуа Альба Асусена Торрес.

О восстановлении связей, о перспективах и новых возможностях для широкого общения литераторов постоянно шли разговоры на официальных встречах. Речь вели не о восстановлении былого единого пространства, а о построении новых путей духовного общения народов, необходимого для взаимного обогащения. Подводя итоги фестиваля, все говорили о том, какое важное значение имеют такие форумы, выражали надежду, что за нынешним фестивалем последуют и другие.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

Вернуться к традициям становилось возможным лишь при четкой формулировке внутренних задач, определенной линии театра, что стало очевидно к концу 80-х годов: «подлому времени» подходил конец. Потребовались глубокие внутренние изменения — не в одном лишь Малом театре необходимой стала смена личности лидера. Но здесь вопрос об этой смене встал с особенной остротой — в 1987 году не стало Михаила Ивановича Царева. Его место могла и должна была занять только «крупная личная индивидуальность» (выражение А. Сумбатова-Южина). Корифеи Малого театра хорошо понимали, что в это сложное время смены всех ориентиров, наступления совершенно новой реальности руководить театром должен, с одной стороны, представитель нового поколения, с другой же — тот человек, кому по-настоящему дороги традиции Малого театра.

В 1988 году Юрий Мефодьевич Соломин был впервые избран труппой художественным руководителем Малого театра.

Замечательный артист, широко известный и любимый зрителями не только по своим театральным работам, но

МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

окончание

и по киноролям, Ю.М. Соломин отныне стал ответствен не за спектакль, в котором он занят, не за свои роли, а за судьбу всего Малого театра. Ему понадобилась какая-то совершенно новая масштабность мышления, ведь отныне его заботой стали самые разные и прежде не касавшиеся Соломина проблемы: необходимость реконструкции основного здания, перестройка филиала на Ордынке, не просто сохранение труппы, но ее постоянное пополнение, формирование афиши... А еще гастролы, фестивали, сотрудничество со знакомыми и еще не знакомыми Малому театру режиссерами.

А еще — надо было продолжать играть, потому что для огромной зрительской аудитории Юрий Соломин оставался, в первую очередь, талантливым артистом из все более и более уменьшавшегося с годами числа тех самых личностей, которым верят, чьему слову, сказанному со сцены, внимают как личному человеческому решению, за коим неизбежно следует определенный социально значимый поступок...

Для Малого театра 90-е годы начались со спектаклей исторических, в которых современными авторами делались попытки осмыслить прошлое с непривычной, нешаблонной точки зрения («...И аз воздам» С. Кузнецова в постановке Б. Морозова, «Детоубийца» Ф. Горенштейна в постановке В. Бейлиса), и с классики, повествующей об истории государства Российского, где отчетливо обнаруживались корни сегодняшних, современных болей и бед («Князь Серебряный» А.К. Толстого в инсценировке и постановке В. Иванова). Спустя несколько лет на сцену Малого театра пришли драмы А.К. Толстого «Царь Борис» (режиссер В. Бейлис, 1993 год) и «Царь Иоанн Грозный» (режиссер В. Драгунов, 1995 год) — таким образом, историческая трилогия Толстого о русских царях предстала на подмостках театра полностью.

В приведенных здесь названиях нет случайности выбора, а есть глубокая, точная логика отбора — для Малого театра первой половины 90-х годов XX столетия особенно важно было не отразить современность в ее текучей, изменяющейся подвижности, не уловить и зафиксировать какой-то момент перемен, а отыскать в толще веков истоки тех явлений, что особенно уродливо проявились в ту эпоху, когда столетие катилось к закату. Отыскать — чтобы пробудить в зрителе ассоциативное мышление, заставить задуматься о том, о чем говорил в «Братьях Карамазовых» старец Зосима, поучая юного послушника Алешу: «В одном конце мира тронешь — в другом отзовется...»

Когда-то Евгений Рубенович Симонов, бывший главным режиссером, ответил на заданный ему вопрос о профиле Малого театра: «у него не профиль, а лицо». Парадоксальным образом эта остроумная фраза «сработала» именно в период прихода к руководству Юрия Соломина: медленно, но неуклонно он вместе с труппой поворачивал и поворачивал «профиль» en face, чтобы удачная шутка его предшественника стала истиной.

И на этом непростом пути Ю.М. Соломин нашел себе замечательных союзников-единомышленников: компози-

тора Григория Гоберника, возглавившего музыкальную часть Малого, ученого-театроведа Бориса Любимова, человека энциклопедических знаний и тонкого чувства театра, который стал верным и незаменимым помощником не только в формировании репертуара, но в деле сохранения культуры.

В цитированном уже интервью Юрий Мефодьевич Соломин рассказывал о том, что буквально с момента избрания его художественным руководителем Малого театра он не раз говорил в Министерстве культуры СССР и в других высоких инстанциях о том, что в России должен быть национальный театр. «Мне хотелось, чтобы в России был такой театр и, естественно, Малый. Наш театр когда-то имел статус императорского, я шел от него, но слово «императорский» нельзя было тогда произносить, поэтому я говорил о национальном театре. Я не мог понять, почему во всех республиках были национальные театры. Так они и назывались. А у нас в России... у нас даже своего ЦК партии не было, российской Академии наук не было».

Как ни парадоксально, в этих, казалось бы, очень простых словах Ю.М. Соломина содержится нечто более значимое, чем просто личный взгляд художественного руководителя театра и крупного артиста. В интервью 2000 года обобщено то самое объединяющее многих и многих ощущение театра, что возникло с особенной отчетливостью именно в период, когда эйфория 1991 года сменилась

сначала растерянностью, затем отчаянием, а затем желанием хоть в чем-то вернуться к времени красоты, идеалов, героев. Где же еще было искать всего этого, как не в театре?..

Последние несколько сезонов жизни Малого театра провоцируют на размышления о какой-то качественно иной жизни одного из старей-

ших русских театральных коллективов. С одной стороны, строгий академизм, безупречный вкус, выверенный временем и несколькими поколениями репертуар — черты, все более укореняющиеся с веками существования, позволяющие недоброжелателям или просто тем, кто бежит, подобно Тарелкину, «вперед прогресса», заявлять с пренебрежительной интонацией о «музейности» театра.

С другой, современное, живое осмысление старых текстов, которое невымысленно проступает в таких спек-

таклях, как, например, «Горе от ума», «Правда – хорошо, а счастье – лучше» (оба спектакля поставлены С. Женовачем), «Три сестры» (постановка Ю. Соломина), «На всякого мудреца довольно простоты» (постановка В. Бейлиса), «Последняя жертва» (режиссер В. Драгунов).

С третьей, мощный приток свежих сил, которые все более и более уверенно заявляют о себе, но не вступая в конфронтацию со своими учителями и старшими товарищами – молодежь вступает в труппу Малого театра на редкость органично, вливая молодое вино своей энергии в старые меха живых и обновляющихся традиций.

Так и происходит.

У Малого театра есть определенная, достаточно строгая и выверенная программа, в которую органично вписывается русская и мировая классика, но определенно не вписывается то, что мы именуем сегодня «новой драмой» и - шире! - современной российской литературой. Отнести ли это к недостаткам или достоинствам театра? – каждый решает сам. Отсутствие в афише пьес «смутного времени» (а мы сегодня продолжаем существовать именно в этом времени) – это и чувство собственного достоинства старейшего отечественного коллектива, не желающего допускать в свое строгое и стройное бытие ничего слу-

чайного, неустоявшегося; и достоинство эстетических и этических завоеваний, которые удерживаются как последний бастион. К.С. Станиславский справедливо полагал, что не может быть театра без современной драмы – мы часто сегодня обращаемся к этим словам как к панацее, оправдывая интерес к изломанной, лишенной характеров и жесткого сюжета драматургии.

Малый театр от этого соблазна отказался.

В различные эпохи и он совершал свое паломничество в страну неизведанного, обращаясь к современной пьесе или к инсценировкам. Из дня сегодняшнего со всей очевидностью заметно: одни из этих спектаклей были лучше, другие хуже, но в той или иной мере все они оказались, в конечном счете, чуждыми эстетике Малого театра, театра, принципиально ориентированного на классику, на современное прочтение вечного,

на поиск невымышленных параллелей и ассоциаций, к обнаружению которых побуждает нас классическое искусство.

Путь Малого театра – это путешествие в Страну извещенного.

Мы так много упустили в нашем собственном прошлом, пробегая по его страницам скучающим взглядом школьника, что не усвоили и половины тех предостережений, тех уроков, что стали для нас нашим настоящим. Так много дано было предвидеть нашим классикам, что по сей день мы изумляемся точному попаданию в столь далекое для них будущее – наш нынешний день. А значит, если вдуматься, всмотреться, вслушаться, мы можем различить в монологах и диалогах их персонажей то время, которому дано стать нашим будущим...

Вот в этом и видит главную цель сегодняшнего Малый театр. В том, что некогда Г.А. Товстоногов определил простым, но удивительно емким словосочетанием: «Перечитывая заново...» Как много можно почерпнуть для себя в этом перечитывании!

И, конечно, цель театра – в воспитании новой плеяды мастеров. Когда-то в своих «Записках» Ю.М. Юрьев вспоминал о том, как довелось ему репетировать с Г.Н. Федотовой «Северных богатырей» Г. Ибсена. Учащийся московских Драматических курсов, юный дебютант навсегда запомнил наставление великой артистки: «Вы, дружочек мой, совершенно верно и хорошо чувствуете, и интонация ваша также недурна, но она у вас не совсем в тон с моей. Чувствуется неспаянность, разнотон. Я сама по себе, а вы тоже сами по себе. Не сливаемся. Вы мне отвечайте, и отвечайте так, чтобы получилась в нашей с вами речи гармония, как бы одно музыкальное произведение... Мы, если хотите, в жизни тоже своего рода композиторы. Музыкальность в нас врожденная, - по крайней мере, в речи... Смотрите прямо в мои глаза, прямо в мои зрачки, и это вам подскажет живой ответ».

Вот это живое общение с партнером, когда смотришь «прямо в зрачки», - одна из сильнейших традиций Малого театра, позволяющая артистам разных поколений постигать глубокий внутренний мир персонажей во всей музыкальной гармонии диалога ли, монолога.

Эта особенность партнерских отноше-

ний, создание «как бы одного музыкального произведения» и сегодня остается одной из важнейших традиций искусства Малого театра. Молодые артисты, приходящие в труппу театра, едва ли не этому учатся с первых своих сценических шагов: смотреть «прямо в глаза, прямо в зрачки» партнеру, чтобы рождался «живой ответ» на каждую реплику. Может быть, именно этим органичным, живым общением и завораживает зрителей школа Малого театра, которой нет равных?..

НАТАЛЬЯ СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Материал проиллюстрирован сценами из спектаклей Малого театра

На «дне» Васильевского острова

Привалова вообще не существует, хотя он живет в Петербурге с 1980 года».

Раз не существует Привалова, вернемся к Мите Егорову. Несмотря на ранние проблески славы, в заносчивости он не замечен. Сам говорит, что очень критически относится к своему творчеству. Объясняет это тем, что сказывается одно его незаконченное высшее образование - до режиссерского он три года проучился на театроведческом, писал много статей (тоже под псевдонимами), ну, и привык - теперь сам себе критик.

В Тбилиси он приехал по приглашению международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» как режиссер-постановщик спектакля для Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова. Свобо-

И. Мегвинетухуцеси

В жаркий августовский Тбилиси неожиданно-негаданно ворвался свежий ветерок литературно-театрального Санкт-Петербурга. В лице совсем молодого режиссера, драматурга и актера Дмитрия Егорова. Несмотря на свои 26 лет, он уже успел стать заметной фигурой. Пронесся знаменитым он после того, как написал пьесу «Люди древнейших профессий» и стал лауреатом конкурса петербургских драматургов, заняв первое место. Причем пока знаменит он не как Дмитрий Егоров, а как драматург Данила Привалов, это его литературный псевдоним. Лучше всего представляет себя сам автор: «Данила Привалов. Драматург-кустарь. Написал пока всего 3 пьесы («Пять-двадцать пять», «Люди древнейших профессий» и «Декабристы, или В поисках Шамбалы»), их иногда ставят в России и за кордоном. Восемь лет проучился в Театральной Академии (два высших с отличием) и одно незаконченное высшее (без отличия), а толку никакого. Потому что Данилы

ду выбора ему дали полную - ставь что хочешь, единственное условие - это должен быть моноспектакль для ведущей актрисы театра Ирины Мегвинетухуцеси. Ее имя не было неизвестным для режиссера, в Петербурге она участвовала в фестивале «Балтийский дом» с моноспектаклем об Александре Вертинском «Желтый ангел». Стильная, пластичная, музыкальная, с чуть заметной хрипотцой в голосе, она не могла остаться незамеченной. Хотя режиссер видел этот спектакль только в записи, он точно оценил ее актерский потенциал.

Для своей тбилисской постановки Митя Егоров предложил абсолютно новое в литературе имя - Эдуард Кочергин. Да, это тот самый Кочергин - знаменитый сценограф, главный художник БДТ, лауреат Госпремий, действительный член Академии художеств. Кочергин, не отвлекаясь от основной профессии, расширил возможности своего пера и занялся литературой. Недавно в Питере уже во втором издании вышли его «Рассказы

рисовального человека» под названием «Ангелова кукла». Это поразительная по своей пронзительности книга воспоминаний. Егоров выбрал для спектакля три ленинградские истории, казалось бы, из далеких времен.

Персонажи Кочергина – люди, оказавшиеся «на дне» в 1940-е-1950-е годы: беспризорники, нищие и проститутки, юродивые и калеки – инвалиды войны и трамваев, с культяпками рук и ног, а то и вовсе живые обрубки – «самовары». Бывшие герои войны, выброшенные на свалку жизни. Кочергин как никто знал эту обочину жизни – сын репрессированных родителей, он постигал основы бытия в детприемниках НКВД военных лет «имени Лаврентия Павловича Берия». Карьеру художника он начинал, делая наколки вождя всех народов на груди воров в законе.

Рассказы в «Ангеловой кукле» – не просто воспоминания, это поток сознания и досконального знания, вырвавшийся из глубин через десятилетия. Текст – не приглаженный, даже порой тяжеловесный, но такой живой, емкий, приправленный сильно перченым юмором. Здесь и «островной фольклор», и уличный жаргон, и богатая, даже замысловатая матюгальная лексика. Вкус этого языка заразителен, только жаль, что им нельзя блеснуть в обществе...

Еще одна неожиданность – режиссер не стал делать инсценировку, сохранил текст полностью: «Это такой предел искренности, все так тонко прочувствовано. И

вместе с тем, это взгляд художника, зримо выстраивающего из деталей тот мир, который остался только в памяти немногих. И в каждой строчке время».

Для режиссера прошлое – лишь форма для разговора о настоящем. Правда, для этого надо найти еще и сценическую форму. Самая большая проблема

– превратить в драматургию документальное повествование о множестве людей, о городе, да еще с географическими подробностями расположения питейных заведений, храмов, садов и мостов. При том, что на сцене всего одна актриса. Но, как оказалось, ничего невозможного нет. Новый спектакль театра имени Грибоедова – первая попытка перенести прозу Кочергина на сцену. Репетиции и первый показ спектакля шли не на грибоедовской сцене – его малый зал на ремонте. Сначала репетировали в одной из аудиторий Тбилисского университета театра и кино, а потом на сцене Театра киноактера им. Михаила Туманишвили. Режиссер воспринял это как некий знак, для него это великое имя, а «Введение в режиссуру» Туманишвили – любимая книга. Выпустили спектакль в рекордно короткий срок – всего за месяц. Наверное, стены помогали. И, конечно, люди в них. В результате в Грибоедовском появился лучший спектакль последнего времени.

Внешне – это минималистический спектакль, но очень выразительный. Идею сценографии предложил сам Кочергин, а реализовал грузинский художник Мириан Сагарейшвили. Сцена утыкана костылями, сбоку деревянная тачка для безногих с водруженным на ней аккордеоном, в центре табурет, и ничего больше. Сверху низко свешиваются тонкие провода с лампочками – синими, как во время войны – их свет не был виден на расстоянии. На их фоне жжет глаза единственная красная лампочка, красноречивый символ одной из древнейших профессий. Так что световые эффекты стали здесь еще и смысловыми. Костыли, обмотанные тряпками, становятся в спектакле и главным атрибутом времени, и многозначной метафорой.

Сквозь лес одиноких костылей (в какие-то моменты они напоминают погост с покосившимися крестами) жизнь людей уже воспринимается иначе. А еще статичные костыли иногда могут быть действующими лицами – набрось шинель, вот тебе и кавалер – пой и танцуй сколько хочешь. А если вдруг праздник – пригони букетики и радуйся жизни.

Правда, поводов для радости в этих трех историях

мало. Без стопаря невозможно рассказывать о светлых днях после победы... Ирина Мегвинетуцеси здесь во всех ролях сразу. Но главная роль – это рассказчик, прошедший через мясорубку той жизни. Линия рассказа никогда не теряется, туда лишь вкрапливаются игровые эпизоды. И они отыгрываются не напрямую, а как бы отраженным светом. Все происходит *не здесь и сейчас, а там и тогда*. В этой стилистике вполне позволительны мгновенные перевоплощения актрисы, что она точно делает, не выпадая из заданного жанра. Чувство меры и вкуса – отличительная черта этого спектакля. Надо сказать, достаточно редкая в наши дни.

Пожалуй, первый рассказ – самый трудный для сцены. Сама его повествовательность не выигрышна, как и патетика, неизбежная в этом сюжете. В истории о безномом Васе Петроградском перемешано все – бытописание, крутые маршруты по грязным закоулкам Ленинграда, характеры людей с нюансами их странных профессий и развлечений, когда «танцевали до бесноты и веселились до падежа скота». Актриса, рассказывая об этом, с азартом отчаяния с лету вбивает каждый костыль в пол, отмечая маршрут героя по питейным заведениям и прочим достопримечательностям города, где тот «трубадурил».

За текстовой картиной встает и образ самого Василия – неумного заводилы, запевалы и запивалы на деревянной тачке. Актриса в бушлате и бескозырке садится на коленки, меняет свою пластику на жесткую мужскую, прибавляет куражу – и перед нами Василий Петроградский, которого все уважали, а невыечки-«стельняшки» любили и обожали. Хрипловатый голо-

совой намек актрисы на его «бронетанковые» песни, и мы верим, что он «пел, баянил и дирижировал одновременно». Когда его отлучили от этой привычной жизни и отправили, как и других «обрубков войны» подальше от города в бывший монастырь, он и там нашел себя. Он создал «единственный на земле хор живых торсов».

Озвучивают время и создают сильный эмоциональный фон знакомые песни военных лет и колоритный уличный музыкальный фольклор – все это актриса выдает в соответствующих жанрах. И еще звучат мелодии аккордеона в исполнении замечательного тбилисского органиста и аккордеониста Роберта Мерабова (музыкальное оформление и режиссера, и исполнителя совместное).

Вообще соавторство – отличительная черта этого спектакля, не только в режиссерско-актерском тандеме, но во всем. Это безусловная заслуга режиссера.

Этот рассказ еще не совсем театр. Настоящий театр –

зрелищный, игровой, яркий мы видим дальше, в следующей новелле «Жизель Ботаническая», где горечь жизни пересыпана каскадом острых словечек, подковыристой иронии и юмора. Это история девочки-сироты, которую взял под опеку проститутский цех с Васильевского острова – подруги ее погибшей матери. Они сделали невозможное – отдали девочку учиться в балетное училище, и та стала первоклассной балериной.

Мегвинетуцеси здесь искрометно разворачивает и картину уличной жизни «со всеми узорами и чудо-

юдами» и представляет целую галерею характеров «островных красавиц». Она наводит марафет из жестяной коробки с «косметикой» и демонстрирует своих героинь. Тут и шустрая Шурка Вечная Каурка, и томно-валяжная Екатерина Душистая, и оторва-Дашка, лихо танцующая и флиртующая с кавалером, т.е. с бушлатом на костыле. Мы видим этих женщин, какие они,

приблатненная песня городского фольклора тех лет. А дальше – как будто оцепенение. Чем страшнее, тем проще. Мегвинетухусеси ведет рассказ абсолютно бесстрастным голосом констатации. И в полной статике – лишь ручной мячик на резинке ритмично прыгает в ее руке. Размеренный голос изредка взрывается вспышками уличных матерщинных перепапок, богатству лексики которых можно только позавидовать.

Надежда рухнула. Голос становится еще тише и безразличней, а веселый бумажный мячик замирает в руке. Сквозь разорванную обертку медленно сыпятся опилки. И актриса уже на полу строит из них то ли воздушный замок, то ли могилку. В луче прожектора хлопья первого выпавшего снега и белые опилки растворяются в них. Горькая рюмашка на прощанье, свет в зал, на нас, на зрителей. Из уличного громкоговорителя несется звонкий голос передовой работницы: «Спасибо великому Сталину за счастливое детство, подаренное детям, за счастливую, радостную жизнь!» - и громкие аплодисменты.

Постепенно они тускнеют в шершавых звуках дождя, и радужный ореол смыт. Остается колючее шуршание капель, от которого невольно ежишься. И как последний выход эмоций рассказчика – удар кулаком по громкоговорителю. Черный раструб слетает со столба, повисает на проводе и мерно, угрожающе раскачивается.

Действует спектакль как ушат холодной воды. После показа на встрече с режиссером даже звучало забытое слово «катарсис». Жаль, что в Грибоедовском зрители не скоро увидят «Ангелову куклу». Скорее всего, к Новому году. На официальную премьеру ожидается и сам Кочергин, который в 2007 году отметит свое 70-летие.

А что касается режиссера, то 6 октября у него премьера в Большом Драматическом, где он поставил свою пьесу «Люди древнейших профессий». Еще его пригласили снимать кино на «СТВ», и он решил попробовать себя «в смежной профессии». И самая приятная новость – в БДТ ему предложили ставить в конце сезона, как вы думаете, что? Конечно, «Ангелову куклу». Только на несколько артистов. Художником будет, сами понимаете, Кочергин. Наверное, недаром главный режиссер БДТ Темура Чхеидзе был на просмотре спектакля в Тбилиси. Но повторяться Митя Егоров не собирается, говорит, что даже рассказы возьмет в большинстве другие.

Интересен здесь режиссерский ход. Все на контрастах. Предваряет историю откровенно гротесковая

как реагируют, как держатся и, наконец, какие реплики громкогласно разносят со второго яруса Кировского театра оперы и балета, который первый раз в жизни был оккупирован «жрицами любви». Весь этот блистательный актерский фейерверк подан точно и с большим вкусом.

Третий рассказ «Ангелова кукла» - пронзительный до боли. Это история осиротевшей девочки Паши, которую соседи-алкаши сдали за водку не в детдом, а в артель «промокашек» на обучение древнейшему ремеслу. Часто малолетки предлагали себя «за поесть». Старшей из них Аришке Порченой было 15 лет, и местное пацанье «панически уважало» ее, потому что она «чесала по фене», как никто из них.

Повязали Пашу с командированным красивым мичманом. Он обещал ее забрать с собой и привез в подарок куклу в кружевном платье с фатой - символ розового будущего. Когда все поняли, что мичман сгинул навсегда, сходка малолеток решила куклу сжечь. Девочка бросилась в костер, выхватила ее и пропала. Потом молва донесла слухи, что она заразилась дурной болезнью, тронулась разумом, но со своей обгоревшей куклой никогда не расставалась.

Интересен здесь режиссерский ход. Все на контрастах. Предваряет историю откровенно гротесковая

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

«ГРУЗИЦО ЛЮБЛЮ ДАВНО, ГЛУБОКО И НЕЖНО»

Свола зорек у Вел,
Нагелюк, кт
последний рас.
А. Ренж

опубликованную в «Современнике» на комедию В. Соллогуба «Ночь перед свадьбой, или Грузия в 2000-м году» («Прозаическое произведение гр. Соллогуба носит еще более очевидные следы животворного влияния восточной поэтической природы... Надобно согласиться, что только «Сон в летнюю ночь» Шекспира может быть поставлен наряду с шуткой гр. Соллогуба по фантазмагорической игривости великолепной фантазии... О, как живительно действует Восток на воображение!

Мог ли бы гр. Соллогуб напечатать свою прелестную шутку в Петербурге? Никогда здесь не создал он ничего подобного», воскресить в памяти, как Н. Заболоцкий, М. Лозинский, А. Тарковский, А. Ахматова, Б. Пастернак, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина обогатили круг чтения русскоязычного читателя, ознакомив их с шедеврами грузинской литературы произведениями Ш. Руставели, И. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Табидзе, М. Джавахишвили, О. Чиладзе, Ч. Амиреджиби и др.

Некоторое время назад одна московская газета планировала посвятить Грузии целый номер. Меня попросили подготовить полосу. «Тема на ваше усмотрение», – сказали на прощание. Никогда не думала, что так сложно остановиться на чем-то одном, когда выбор так велик. Немало помаявшись, я решила предоставить слово самим россиянам и обратилась к людям самых разных профессий со словами: «Грузия. Люди Грузии. Ее история, культура, литература. Какие ассоциации вызывают у вас эти понятия? Вспомните, пожалуйста, самое яркое событие, впечатление, связанное с ними». И хотя все, к кому я обратилась, были людьми весьма занятыми и именитыми, ни один из них не отмахнулся от моей просьбы и встретился со мной. Беседуя с этими умными, интересными людьми, я еще раз убедилась, как искренне и прочны связующие нас узы и даже перемены (увы, не в лучшую сторону), происходящие на политическом небосклоне, вряд ли способны их разорвать.

К сожалению, замысел газеты осуществить не удалось (подвели обанкротившиеся спонсоры), но, позже, будучи в Москве, я обзвонила своих респондентов и убедилась, что они не только не изменили своих взглядов, но еще больше укрепились в своих убеждениях. И я посчитала, что они могут быть интересны читателям «Русского клуба».

Донара Канделаки

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

режиссер, сценарист

Вполне естественно, что если речь заходит о грузинской культуре, то мне сразу же вспоминается ее кино. С грузинским кинематографом я познакомился, посмотрев картину Т. Абуладзе и Р. Чхеидзе «Лурджа Магданы», и с тех пор стал его искренним и горячим поклонником. Очень люблю глубоко человеческие, философские, умные, поэтические работы Тенгиза Абуладзе (помню, с каким нетерпением ждал его «Древо желания», как был потрясен «Покаянием»), фильмы Эльдара и Георгия Шенгелая.

Прекрасны ваши короткометражки. И документальные ленты Ги Чубабрия.

И еще одно завидное качество у мастеров грузинского кино – умение выбрать и не просто «пересадить» на свою почву произведения зарубежной литературы, а наполнить их таким тонким национальным ароматом, колоритом, характерами, что волей-неволей забываешь о первоисточнике (достаточно вспомнить блестящие картины «Не горюй!», «Кувшин», «Лазаре»).

С большим интересом слежу за творческим тандемом сценариста Ираклия Квирикадзе и режиссера Наны Джорджадзе.

И еще два факта, о которых я не могу не упомянуть.

Д.Канделаки, А.Варсимашвили, А.Фрейндлих

Именно мои грузинские коллеги – коллектив киностудии «Грузия-фильм» (совместно с производственным объединением «Мосэлектроаппарат») в далекие 70-е годы выдвинули мою картину «Ирония судьбы, или С легким паром» на соискание Государственной премии (за что я, пользуясь случаем, еще раз хочу их сердечно поблагодарить), а тбилисские телезрители на Всесоюзном фестивале телефильмов, проходившем в столице Грузии, отдали свой голос моей ленте. И мне хотелось бы им напомнить, что этот приз для меня – самый ценный и дорогой!

Безусловно, в популярности и успехе «Иронии...» очень большую роль сыграла прелестная музыка замечательного композитора Микаэла Таривердиева, который родился и провел детские и отроческие годы в Тбилиси.

Часто с сердечной теплотой вспоминаю поездку в Гурджаани, куда в 1981 году я был приглашен на открытие Дома-музея легенды грузинского кино Наты Вачнадзе.

Из ярких событий самого последнего времени – выставка работ Зураба Церетели. Не устаю восхищаться и удивляться неумной фантазии и феноменальной энергии и работоспособностью этого мастера.

АЛИСА ФРЕЙНДЛИХ

народная артистка России

Не люблю длинных и громких слов, скажу коротко: Грузию люблю давно, глубоко и нежно. С ней меня связывают и родственные отношения. Они, правда, не прямые, но от этого не менее крепкие и сердечные. Моя тетка была замужем за певцом Ираклием Сулханишвили.

А творческий контакт у меня состоялся на фильме Георгия Шенгелая «Мелодии Верийского квартала». Как вы помните, роль у меня там совсем небольшая (я играю жену, единомышленницу и верную помощницу учителя танцев – француза, которого темпераментно, с искрометным юмором играл Кахи Кавсадзе), но получила огромное удовольствие и от самого процесса работы, и от общения с очень приятными «товарищами по оружию». А главное, что сейчас меня связывает не только творческая, но и просто большая человеческая дружба с Георгием Шенгелая, Софико Чиаурели, Кахи Кавсадзе и многими другими.

Позднее судьба одарила меня щедро: Темур Чхеидзе занял меня в двух своих спектаклях – «Коварство и любовь» и «Макбет». О Чхеидзе я хочу и должна сказать особо. Он явился нам как ангел-спаситель и мы, «сироты», наконец-то, обрели в его лице истинную опору. После смерти Георгия Александровича Товстоногова, кто только не обещал прийти к нам и поставить спектакль. Но сделал это только Темо.

Безусловно, не простая случайность, что Георгий Александрович пригласил Чхеидзе на постановку; это оказалось своеобразным завещанием мастера младшему коллеге, что он и осуществил с огромным чувством ответственности. Придя в театр, Темо, в отличие от многих, не начал ломать традиции, менять все подряд. Мы не испытали расшатывания основ, тенденций; отправные точки, разработанные Г.А. Товстоноговым, сохранились. Темо поразил всех нас своей отточенной интеллигентностью, бережным отношением к актерам (и одно, и другое сегодня, увы, встречается все реже и реже). Темо режиссер-график. Ему нужны самостоятельные, мыслящие актеры. Мы счастливы, что после долгих колебаний он, наконец, согласился возложить на свои плечи далеко нелегкую ношу – должность главного режиссера БДТ им. Г.А. Товстоногова.

Всегда с огромной теплотой вспоминаю гастроли в вашем городе, особенно участие в театральном фестивале «Сачукари». Помню, как мы все разволновались, когда узнали, что будем выступать в театре им. Руставели, ведь на его сцене творили и выступали великие режиссеры и актеры, ставились блистательные спектакли. Прием, которым нас одарили зрители (а они одни из самых требовательных, благородных и доброжелательных, о чем я не устаю повторять) превзошел все ожидаемые, даже самые оптимистические прогнозы.

Была очень рада принять участие в торжествах, посвященных 300-летию Петербурга, с подлинным успехом прошедших в Тбилиси. Все эти дни (вместо привычного, характерного для приуроченных к датам официоза) отличала бездна сердечности, человеческого тепла и искренней любви к ленинградцам и их прекрасному городу.

«СО МНОЮ ЗРИТЕЛИ УЛЕТАЛИ...»

Очередной прогон новой постановки Тбилисского русского драматического театра имени А. Грибоедова, осуществляемой при поддержке международного культурно-просветительского союза «Русский клуб», - «Екатерина Великая».

В центре сцены - трон, который одновременно служит любовным ложем. На заднике - огромный герб Российской империи. В спектакле страстная любовь немолодой уже императрицы и ее юного фаворита Ланского противостоит интригам князя Потемкина (Георгий Туркиашивили) и графини Прасковьи Брюс (Людмила Артемова-Мгебришвили). Идет борьба без правил. Екатерина Великая в сценическом воплощении Ирины Квицинадзе - умная, сильная, талантливая женщина, наделенная недюжинным темпераментом, способная пойти ради любви на все, но предчувствующая близкий конец своим мечтам о счастье.

Режиссер-постановщик спектакля - московская актриса, драматург и режиссер ИРИНА ПОДКОПАЕВА. А начинала...

«КАТЯ - ЭТО Я!»

- Училась я у Андрея Александровича Гончарова. Курс был актерско-режиссерский, поэтому у меня два диплома. После института два года работала в московском театре Маяковского и должна была выйти в спектакле «Леди Макбет Мценского уезда» в заглавной роли, но не случилось: выпустили Наталью Гундареву, уже известную тогда актрису. А меня, соответственно, задвинули на второй план - дескать, буду играть позже. Но я умчалась в Питер - в БДТ меня брал сам Георгий Товстоногов. Уже дали тексты, роли. И тут судьба улыбнулась мне - я встретилась со своим будущим мужем, который уговорил меня уехать с ним в Грузию. Итак, будучи актрисой театра Маяковского, к тому же с текстами прекрасных ролей из БДТ, я умчалась с мужем в Тбилиси - это был художник Георгий Цхакая. Видимо, Бог решил, что я должна родить от этого человека. Я выписалась из Москвы, бросив квартиру, полученную от театра, забрала документы из Маяковки... Грибоедовский театр схватил меня с руками-ногами. Сразу дали роль. За три дня я вошла в спектакль «Жестокие игры»... Позднее, наигравшись в Тбилиси

и поставив напоследок спектакль «Воительница» по Лескову, уехала в Москву...

Кстати, на мою тбилисскую премьеру пришли важные люди, в том числе Валерий Асатиани и Гига Лорткипанидзе. Я выступила в качестве актрисы, режиссера и автора первой в своей жизни инсценировки... Но потом, тем не менее, я все бросила - замечательную квартиру на Мачабели, вещи, антикварную мебель, которую мне натаскал второй муж, Дмитрий Кутейников, сегодня он крупный олигарх, и уехала: в Грузии разворачивалась гражданская война. В Москве сразу начала писать пьесы, ставить спектакли - нашла в Чертаново сценическую площадку и создала собственный театр - театр Ирины Подкопаевой. Пригласила как-то Сергея Беляковича, главного режиссера московского театра на Юго-Западе, знакомого еще с институтских лет. Посмотрев мои спектакли - а у нас шли «Братья Карамазовы», современные пьесы, сказки, - он предложил мне светить звездой в его театре. «Ты должна быть артисткой!», - сказал он. Белякович сразу поставил на меня «Укрощение строптивой». Затем тут же нашелся спонсор на постановку «Мастера и

Маргариты»: он обалдел от меня как от актрисы! Так я стала Маргаритой, а Воландом – Виктор Авилов. Показалось-поехало... А потом наши дороги с Беляковичем чуть-чуть разошлись, и я стала делать свой спектакль – «Екатерина Великая». Поставила я ее на небольшой площадке Театра Луны Сергея Проханова... А пьесу Елены Греминой мне предложил прочесть нынешний генеральный директор Тбилисского русского драматического театра имени А. Грибоедова Николай Свентицкий. Я в ней зацепилась за одну фразу: «Никто никогда не любил и не полюбит. Я любила, я умела...» Она стала ключевым моментом моего спектакля.

- Почему именно эта фраза зацепила вас?

- Потому что у меня в этот период был бешеный роман с Виктором Авиловым. Мы оказались очень мощными ребятами, и любовь была потрясающая, очень красивая... Я была почти в коме от этих чувств. Виктор Авилов снимался в кино и посоветовал мне: «Ирка, я буду сниматься, а ты давай ставь спектакли, чтобы нам не сойти с ума!» И я начала их ставить. Екатерина Великая – дама потрясающая! Видимо, где-то в той жизни она со мной перекликалась. Искусство само по себе не рождается. Наверняка или в прежнем бытии что-то было, либо в последующем будет! В этом я не сомневаюсь... Это не мистика, а факт! Екатерина близка мне по мощи характера. Я вовсе не кичусь этим, не говорю о том, какая я потрясающая женщина... Но когда человек способен играть, ставить, писать, преподавать, переходить из театра в театр, создавать свой собственный театр, воспитывать ребенка – это глобальный труд! Если ты взваливаешь на себя этот груз, значит, ты неизбежно натура мощная. Мне иногда не хочется быть мощной... как и Кате, которая взвалила на себя огромное государство. Через мои руки, как и через ее, проходило много людей. И ее так же страшно обворовывали, как и меня. Екатерина не зря произносит эту

фразу: «Воруют все!» Мой проект воровали все. И воруют по сей день. Происходило это по-разному... Отдаешь молодость, всю свою душу. А в ответ – неблагодарность. С этим сталкивалась и Екатерина...

Разозлившись, я написала пьесу «Государственные страсти», что-то черпая из Пикюля, и внедрила в пьесу Греминой «За зеркалом» свою, естественно, согласовав это с Греминой. Сцены переплелись как бы кошечкой... И я начала делать новый проект. В спектакле появилась фигура Потемкина. Я пригласила в новую постановку знаменитого Дмитрия Певцова, ныне известного Анатолия Лобозкокого – он сыграл Потемкина, актрису из театра Маяковского, которая до этих пор была занята лишь в массовке, выпестовала ее... как и сына этой актрисы – потом он попал в Щуку и снялся в главной роли в сериале «Две судьбы». Благодарности от большинства – ноль!

Конечно, это тяжело – писать, ставить, играть одновременно. Это безумие! Мы сняли в Москве сцену филиала театра Маяковского, а до этого гастролировали в разных городах. И тут – предательство: внезапный уход из проекта Дмитрия Певцова, финансовое мошенничество со стороны людей, которым доверяла... Подниматься снова не было никаких сил и желания. И я вернулась к Беляковичу, стала опять играть. Вскоре появился Николай Свентицкий с предложением поставить «Екатерину Великую» на актрису Ирину Квижинадзе в театре имени Грибоедова.

- Вы не сомневались, когда передавали другой актрисе свое детище?

- Я согласилась без сомнений, потому что считаю Ирину Квижинадзе большой актрисой. Но как человек творческий и увлекающийся я не могла предположить, какой титанический труд на себя взвалила. В театре идет ремонт, куча всяких проблем. С утра до ночи мы репетируем, но, думаю, того, что я ожидала от нового проекта, я добиться не смогу. По разным причинам, в том числе техническим. Я привыкла работать быстро. Можно выпустить хороший спектакль за месяц, если сразу, с первой репетиции, обеспечить свет, музыку, костюмы, декорации... Премьера запланирована на декабрь, посмотрим, что из этого получится. Я довольна актерским ансамблем, самоотдачей участников спектакля, в первую очередь молодого актера Вано Курасбедиани, который играет Ланского. Конечно, жаль, что не удалось поработать с ведущими актерами театра Джемалом Сихарулидзе и Валерием Харютченко...

МАРГАРИТА – ДАМА, ИЗЯЩНО НАДЛОМЛЕННАЯ

- О вас пишут, как об актрисе необузданно-го темперамента, темных сил...

- Так сложилась судьба, что первой моей роковой ролью стала леди Макбет Мценского уезда – ее я сыграла в дипломном спектакле. Вторая роль, которую мне хотел предложить Товстоногов, это Грушенька. А дальше – булгаковская Маргарита... Меня всегда тянуло к

фигурам роковым, масштабным, сложным. Будучи студенткой первого курса, я говорила: «Джульетту играть не буду! Что за инфантильная особа?» На самом деле, я и Джульетту могла бы сыграть, только по-другому, не

так, как до меня. Кстати, делала аналогичный проект с Сергеем Безруковым. Он у меня репетировал Ромео. Тогда Сергей не снимался. Увы, отец запретил ему работать, хотя спектакль уже был практически готов...

мал! Попадала в какие-то истории, когда буквально приставляли нож к горлу, хотели убить. Спасала только молитва к Богородице...

- Значит, сценические истории и в самом деле влияют на жизнь актера?

- Не сомневайтесь. Если, конечно, актер поверхностный и не затрагивает свои духовные пласты – как в школе представления, то ничего к его судьбе не притягивается. А я всегда истощала себя до дна, до нутра... Однажды репетировали «Мастера и Маргариту» до двенадцати ночи, и я поздно возвратилась домой. А мы жили на втором этаже старого дома. Вернувшись после репетиции, я стояла на пороге кухни, и вдруг на это место обрушился весь третий этаж. Но в эту долю секунды я вышла из кухни и таким образом чудом осталась жива... С работой над «Мастером» связана и бешеная любовь с Авиловым. Она возникла сразу, как только начались репетиции.

- Маргарита вам близка – как Екатерина?

- Абсолютно. Но я не во всем была согласна с тем, что делал Белякович. Он мощный режиссер-постановщик, но при этом не прорабатывает любовные взаимоотношения, постельные сцены, трагедии... Белякович – режиссер мужского театра и больше знает, как с мужиками работать, чем с актрисами. Для меня Маргарита – дама изящно надломленная... Внутренняя хрупкость и вместе с тем дикая, мощная отдача в любви – это в ней основное. Когда за любовь я способна... улететь в ад. Я купила для спектакля черное стильное пальто, в котором моя Маргарита была такая хрупкая, незащищенная, растерянная... когда потеряла Мастера. А потом – метаморфоза: когда происходила встреча с Воландом, она уже была мощной, готовой на все.

Что я играю сегодня? Аркадину в «Чайке», мамашу Пичем в «Трехгрошовой опере».

Но мне сегодня уже неинтересно быть артисткой... Вернее, мне было бы интересно быть ею, но у бесконечно потрясающего режиссера, который был бы выше меня на... 800 голов. Сейчас такие театры существуют, когда актеры играют на стене дома, в подвешенном

состоянии. Поэтому играть по старинке, просто болтать текст на сцене мне скучно! Актрисой средних спектаклей быть надоело. Хочу стать кинорежиссером... У меня есть кинопроекты, киносценарии, один из которых просто перекликается с моей жизнью. Я его написала, еще живя в Грузии. По сценарию возвращаюсь сюда... И вот я вернулась в реальности,

«Екатерина Великая»

Дама Подкопаева незначительная, дескать! А жаль...

- Событием московской театральной жизни стала ваша Маргарита.

- Да, зрители после спектакля присылали открытки: «Мы с вами сегодня вместе улетали!» Кстати, по жизни рок меня постоянно преследовал. Все время на лезвии ножа, все время адреналин... Я по сути своей экстре-

M. J. Grayson

«Екатерина Великая»

причем была абсолютно уверена, что этого не случится... Хочу снять кино и веселое, и красивое. Будь у меня средства, я бы создала гибрид «театр – школа – кино» в одном футляре. Это была бы база, которая обменивалась бы кровью с Западом. Но для этого нужны очень большие деньги, хотя результаты были бы потрясающие. Просто я точно знаю, как и кого раскрутить... Иногда до боли понимаешь, что можешь сделать с той или иной фигурой, которую встречаешь по жизни, даже если это не актер. Западу бы это и не снилось!

- Вернемся к театру. А вы знаете режиссера, который «был бы на 800 голов выше»?

- Мне был симпатичен Роман Виктюк. Я его понимаю – он чувственный, стильный, бешеный. Это – мое. Однажды вижу его в зале на репетиции. Думаю: «Подойду!» При этом мы были совершенно не знакомы. Кидаюсь на колени, беру его за руки, говорю: «Ну, здра-а-встуй!» А он смотрит на меня, не спрашивает, кто я, собственно, такая и отвечает в тон: «О-о-ой! Ты где была?» - «Может быть, сделаем с тобой спектакль?» - «Обязательно сделаем! Ты откуда?» - «Да у Беляковича работаю. Было дело, Маргаритку играла! Очень люблю тебя, очень!» - «Все! Давай, давай сделаем спектакль!» После спектакля он ждал меня. Я прибежала, он кинулся, схватил меня и давай целовать! Я обещала появиться, а он – ждать... Так мы расстались. Пока я так и не появилась. Виктюк мне близок, но он уже выплеснул свое «ядро».

- Можно сказать о вас, что вы были и остаетесь актрисой Андрея Гончарова?

- Да-да. Я не пропускала ни одну его репетицию. Все просто смеялись надо мной и говорили, что я шизоид. Потому что я впитывала все как губка... И это осталось со мной навсегда.

- Прочитала где-то о том, что Подкопаевой чужд «интеллектуальный театр». Это так?

- А что такое – интеллектуальный театр? Когда скучно, когда много говорят? Я, наверное, актриса театра движения, физического и психологического. Вообще я за зрелищность, яркие формы в театре. Сейчас именно это воспринимается зрителем.

- Ваши родители имели отношение к искусству?

- Я родом из-под Челябинска... Отец, мастер по мебели, был человеком артистичным, бесшабашным, гулякой. Утонул в 27 лет при невыясненных обстоятельствах. А мать происходила из староверов. Тоже умерла рано. Уже в десять лет я осталась без родителей, так что рано почувствовала себя взрослой...

- Ваша главная человеческая черта?

- Бешеная жажда жизни во всех ее проявлениях. Хочу много ездить, получать впечатления, хочу много любить... Боюсь смерти, старости. Главное, с этим ничего не поделаешь. Почти никаких ограничений не признаю! Любовь к эклерам, вкусным конфетам сильнее меня... Жизнь и так слишком коротка, чтобы в чем-то себе отказывать...

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ИСТОРИЯ ПРИМИРЕНИЯ

В воскресное утро в евангелическо-лютеранской церкви Примирения, что на улице Гранели, собираются прихожане. Служба начинается в 11 часов, поэтому есть время побеседовать, обменяться новостями, справиться о здоровье. Наверное, точно так собирались на службу в тифлисскую кирху много лет назад деловитые фрау и герры со своими прелестными фрейлейн. Повсюду звучала немецкая речь. А о начале службы возвещал сопровождаемый органом хорал.

Первая кирха была освящена в Тбилиси в 1834 году. Спустя 163 года освятили новую, ныне действующую. Между этими двумя датами – целая эпоха немецких колонистов в Грузии. В 1804 году вышел манифест российского императора Александра I о переселении немцев из Вюртемберга, Пфальца, Баварии и Гессена. Первые колонисты появились в Грузии в 1816 году. Первоначально они основали восточнее Тбилиси колонию Мариенфельд. А затем 500 семей основали еще пять: Элизабетгаль, Петерсдорф и Анненфельд в окрестностях Тбилиси, и Хеленендорф и Катариненфельд – в 200 километрах от него. Со временем появилось еще множество колоний. Вслушайтесь в эти названия: Вальдгейм, Розенфельд, Грунсталь, Траубенберг, Гнаденберг, Найдорф, Люксембург, Розенберг, Георгисталь, Гофрунсталь. Кажется, что вы попали в Баварию. Но нет, это Грузия. Вторая родина. Новая земля, на которой немцы строили новую жизнь. И очень гармонично слились с гостеприимными хозяевами, став неотъемлемой частью этнического многоцветия. Но,

простите, где же теперь эти некогда процветавшие колонии? Об этом чуть позже.

А пока пройдемся по Тифлису XIX века. Сколько немцев потрудились над его благоустройством! Ведь это визитные карточки города: театр оперы и балета, построенный по проекту В.Шреттера, здание мэрии, реконструированное П.Штерном. По проектам Л.Бильфельда построены церковь Кашвети, обсерватория геофизического института, частные дома в старых районах города. У всех на слуху были имена фармацевтов Земмеля, братьев Гейн, Оттена, Шонберга, открывшего первую в столице аптеку в 1829 году. Остался в памяти и О.Шмерлинг – общественный деятель, один из основателей Тбилисской Академии художеств. А сколько немецких имен в медицине, искусстве, промышленности. Их много и все они оставили о себе добрую память. Ну, а старожилы города никогда не скажут: «на площади Марджанишвили», а только «на Кирочной». К концу XIX века из 34 623 немцев в Тбилиси проживали четыре тысячи. Большая немецкая община располагалась в поселке Александрдорф, заложив основу Михайловского проспекта и окружающих улиц.

Но еще до создания постоянных немецких поселений, побывали в Грузии ученые. В 1768-1793 годах по заданию Екатерины II, независимо друг от друга, Кавказ посетили Г. Гмелин, П. Палас и И. Гильденштедт. Так, последнему, в числе прочих заслуг, принадлежит слава составителя первой карты Грузии. После присоединения Каргли-Кахетинского

царства в 1801 году по заданию Российской Академии наук в Грузию приехал Ю. Клапрот. Его кропотливая работа по изучению истории, географии, фауны и флоры Кавказа, а также нравов и обычаев позволяют считать ученого основоположником немецкого кавказоведения. Его работу продолжили К. Ган, А. Мориц и Г. Радде. Последнему суждено было стать настоящим тифлисцем и по совместительству основателем и первым директором Кавказского музея, построенного по проекту А.Зальцмана (ныне Музей истории Грузии им. С. Джанашиа). Более 30 лет жил в Тифлисе Г.Абих, которого по праву называют отцом геологии Кавказа.

Относясь к интеллектуальной элите, немецкие колонисты оказывали большое влияние на социальную и культурную жизнь Тбилиси.

Но 8 октября 1941 года вышло Постановление Государственного Комитета Оборона «О выселении немцев, проживающих на территории Грузинской ССР, Армянской ССР, Азербайджанской ССР», и в одночасье всеми уважаемые немцы превратились в «антисоветский элемент». Исчезли сами названия преуспевающих немецких колоний. Вальдгейм переименовали в Кировиси, Грунс-

Епископ А.Штекль

Епископ А.Штекль с группой молодежи

1942 г. в селе Майсен Павлодарского района. Отец Владимир Фрей по приезде на место назначения был отправлен в трудармию. В селе поселились бабушка, мать и брат, годовалый Дмитрий.

Сегодня фрау Мария Чаплинская-Зауэр и Георгий Квирикашвили работают на благо немецкой общины.

Новый виток в жизни немцев Грузии начался в 1991 году, когда у национальных меньшинств появилась возможность официально зарегистрироваться и заявить о себе. Так, в августе появилась ассоциация немцев Грузии «Айнунг» (Единение). Это – общественная организация, не занимающаяся коммерцией и политикой. «Айнунг» объединяет более полутора тысяч немцев, проживающих в Грузии. Ее цели: возрождение немецкого языка, национального быта, лютеранской религии среди немцев, общение их между собой, сохранение традиций. Членом «Айнунга» может стать любой, имеющий документ, подтверждающий его немецкое происхождение. «Случается, – говорят сотрудники центра, – что приходят немцы в четвертом поколении». «Айнунг» входит в Совет по делам национальных меньшинств при Народном защитнике Грузии, «Федеральный совет европейских национальных меньшинств», сотрудничает с рядом организаций в Грузии. Совместно организуются выставки, занятия для детей. Благодаря «Айнунгу», дети членов ассоциации занимаются немецким языком в Институте Гете. А для маленьких при центре есть курсы немецкого языка, театральная студия, различные кружки, компьютерные курсы. Все эти проекты бесплатные. Программой правительства ФРГ ежегодно организуются языковые лагеря для детей. К примеру, в сентябре дети отдыхали в Кобулеги. Ассоциация поддерживает тесные контакты с МИД и МВД Германии, посольством ее в Грузии. Благодаря помощи Гамбургского Красного Креста, многим репрессированным, инвалидам, нуждающимся (их около 120 человек) оказывается гуманитарная помощь. На поступающие денежные средства, совместно с Диоканической службой ЕЛЦ Примирения, закупаются продукты и раздаются пайки. По инициативе церкви открылись Диокания – Дом им. И. Зальтета и

таль в Руисболо, Траубенберг в Тамариси, Гофрунсталь в Ахашени, Найдорф в Ахалсопели, а одна из крупнейших колоний Люксембург теперь известна как Болниси. Дальше – недолгие сборы, конфискация имущества, отправка в «коровьих» вагонах. Дорога длинная, тяжелая, которую смогли преодолеть далеко не все. Всего в Казахстан было сослано из Грузии – 19 186 человек или 5 226 семей. Ужасающие факты о том, как ни в чем не повинных людей во второй раз лишили родины. Не прошедшим через этот земной ад трудно понять трагедию советских немцев. Трудармия, холод, голод, оскорбления, запрет говорить на родном языке и самое страшное – потеря близких...

По самым приблизительным подсчетам, из высылки вернулось в Грузию чуть более тысячи человек. Вернувшимся нужно было начинать все сначала. В который раз. И они начали строить новую жизнь.

Несколько лет назад фрау Мария Чаплинская-Зауэр переехала в Диоканию – Дом им. И. Зальтета. По вторникам, пятницам и воскресеньям ее можно найти на рабочем месте – в библиотеке, которую она сама передала в дар церкви. В октябре 1941-го ее вместе с бабушкой, матерью, сестрой и братом сослали в Южно-Казахстанскую область.

Член церковного совета, казначей общины церкви Примирения Георгий Квирикашвили родился 12 января

Дом пастора Р. Майера. При них ежедневно (кроме воскресенья) работают столовая, обслуживающая горячим обедом около 80 человек, и медицинская служба. Диокания расположена при церкви, там постоянно проживают в доме престарелых 8 человек.

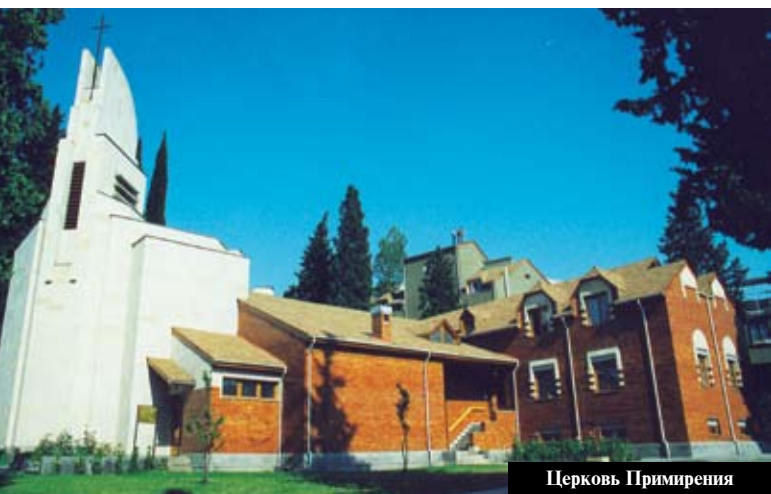
Работу «Айнунга» трудно представить без работы ЕЛЦ Примирения. История создания церкви - яркий пример человеколюбия, милосердия и служения Богу. Рассказывает руководитель Диоканической службы фрау Кристиана Хуммель: «В конце 80-х годов в Грузию приезжал мой супруг, профессор теологии Саарбрюккенского университета Гердт Хуммель. Он занимался научными контактами между Саарбрюккенским университетом и ТГУ им. И. Джавахишвили. В 1991 году он удостоен звания почетного доктора ТГУ.

К тому времени уже существовал «Айнунг». Его первый руководитель Н. Курдиани вместе с другими представителями общины обратился к президенту Эдуарду Шеварднадзе с просьбой выделить им территорию старого немецкого кладбища. Это просьба была удовлетворена. На этой территории решили построить церковь. 26 октября 1997 г. состоялось торжественное освящение храма». И сегодня, через два с лишним года, как его не стало, все с уважением и любовью вспоминают Гердта Хуммеля, который оставил работу в Саарбрюккенском университете, продал свой дом в Германии и переехал в Грузию. На эти средства и построена церковь Примирения.

«Он считал, что нужнее быть здесь, возрождать лютеранскую религию среди немцев и сплачивать немецкую общину, - говорит фрау Хуммель. - После смерти супруга я руковожу

Епископ Г.Хуммель

Церковь Примирения

Диоканической службой. Духовными вопросами занимаются священнослужители. Наша обязанность - помогать тем, кто прошел такие испытания. Я считаю, что за столько десятилетий немцы слились с народом Грузии генетически и социально. Это и понятно. Взаимовлияние культур оставило яркий отпечаток».

На вопрос, что семье Хуммелей понравилось в Грузии больше всего, фрау Кристиана отвечает: «Гердта привлекала вера людей. Глубокая, чистая, идущая от самого сердца, из глубины души. Это и понятно. Пройдя через столько несправедливостей, обязательно нужно во что-то верить. Знаете, после развала Советского Союза у многих появилась возможность уехать на историческую родину. Но они оставались. Они называют себя немцами, говорят на русском, грузинском и немецком и считают Грузию своей родиной».

«Сегодня церковь имеет пять общин - в Тбилиси, Рустави, Гардабани, Боржоми и Болниси, - продолжает рассказ

фрау Хуммель пастор Виктор Мирошниченко. - После кончины епископа Хуммеля в Грузию приехал епископ Андреас Штекль. Он продолжил служение, начатое его предшественником. Увы, его не стало в мае этого года. Поэтому до прибытия нового епископа заботы о духовной жизни лютеран возложены на меня. Местная община насчитывает около трехсот человек. У нас есть воскресная школа. Раз в год проводится таинство конфирмации и крещения. К тому же церковь Примирения и церковь в Вюртемберге - партнерские. Недавно десять юношей и девушек из церкви Примирения Тбилиси побывали в Германии.

Город Ульм земли Баден-Вюртемберга, как известно, родина Альберта Эйнштейна. В ЕЛЦ Примирения находится уменьшенная копия Распятия из ульмского собора. Тех, кто с детства привык к традиционному изображению Христа, Распятие поражает своей необычностью. Эклектизм, сочетание несочетаемого? Не совсем. «Здесь Христос изображен не мучеником, а уже воскресшим и обращенным, - объясняет пастор Виктор, - это как бы слияние Красной Пятницы и Воскресения Господня. Это - знак Спасения. Наша церковь называется церковью Примирения. Думаю, это очень символическое название. Примирение - именно то, что необходимо нашим народам, нашим культурам. Служба в церкви проводится на трех языках. Большинство наших прихожан - люди, вернувшиеся из ссылки. Грузинского они не знают или знают недостаточно хорошо, чтобы понимать проповедь. По-немецки в Казахстане говорить запрещалось. Таким образом, русский - единственный универсальный язык для диалога культур. Люди приходят послушать Божье слово, и нам важно донести его до них. На трех языках выходит журнал «Церковный вестник». На сегодняшний день русский язык - связующее звено между «вчера» и «сегодня».

НИНО ЦИТЛАНДЗЕ

«В ГРУЗИЮ НАДО ПРИЕЗЖАТЬ СНИМАТЬ КИНО»

Н. Квицинадзе

Сегодня завораживающие слова «Мотор! Начали!» можно услышать в самых разных уголках Грузии. По заказу телеканала НТВ снимается 81-серийный сериал «Сталин. Life». Идея принадлежит Григорию Любимову, продюсеру таких известных проектов, как «За окном», «Рублевка. Life».

Продолжающийся или вновь возникший интерес к Сталину – разговор особый и отдельный. Несколько лет назад известный историк, журналист, писатель Михаил Хейфец в статье «Опять о Сталине?» написал: «Прошло полвека (больше!) с того великого дня, как мы избавились от генералиссимуса И. В. Сталина. И минуло 13 лет с конца эпохи, что связана на Земле с существованием великого творения «вождя народов мира» – Союза Советских Социалистических Республик.

Но в России выходят все новые исследования о жизни и личности «корифея» и «гения человечества»... Почему же в XXI веке вновь проявился живой интерес к личности самого страшного злодея в истории страны, самого великого государственного убийцы в мире?

Потому, что Сталин жив... Как сказал бы поэт, «Ста-

лин и теперь живет всех живых». Не в душах старушек с портретами на улицах живет, не в сердцах обритых молодцов с русифицированной свастикой на рукавах. Бывший вождь жив в каждом из русскоязычных людей! В душах тех, кто считал себя его врагами, кто давно уехал из созданной им страны... Все мы... несем печать харизматической личности, наложенную цельной системой, воспитавшей наших учителей, наших писателей, композиторов, художников, наших общественных лидеров. наших родителей, наконец...

Думается, россияне дожили до того периода в своей истории, когда, не забывая, что Сталин есть потерявший душу живую монстр, люди начали ощущать, что необходимо оценить эту фигуру во всей сложности ее немалых природных дарований и удивительных особенностей судьбы. Если некая личность сумела наложить печать на души миллионов сограждан, на их потомков, то социальную травму не вылечить, если не понять специфику опаснейшего для народа историко-социального заболевания».

В том или ином смысле, но создатели гигантского полотна задумали иной подход к личности Сталина:

это не просто фильм о нем - все события века показаны его глазами, и сериал представляет собой монолог «вождя народов». Автор сценария и режиссер первых девяти серий **Ника Квицинадзе** рассказывает:

- Это продюсерская задумка очень интересная и оригинальная. Все судили Сталина со стороны; кто хорошо о нем отзывался, кто плохо, но пока еще не было прецедента в искусстве, чтобы разговор велся от его имени. В литературе бывало, от его имени писались книжки, но в кино не было. И наш продюсер Любомиров выдвинул такую идею: мы его судим, а давайте посмотрим, что он сам думал, и вообще как он оценивал те или иные события в жизни: войну, отношение к атомному оружию, что его сделало таким, откуда его жесткость и даже где-то жестокость, а с другой стороны слабость, которую он мог проявить: например, растерялся, когда война началась. Почему это в нем? Черты характера в детстве закладывались. Продюсер решил показать эпоху глазами Сталина. Во-первых, раскрыть личность изнутри, а когда личность раскрывается, автоматически все переходит на эпоху, мы как бы его глазами видим эпоху, изучаем ее; нам интересно: человек, который тогда жил, какими категориями мыслил, и причем такой титан. Никто же не будет отрицать, что это выдающаяся фигура. Можно называть его злым гением, или посредственностью, или кем угодно, но представьте себе: человек поднялся на такую высоту, обошел Троцкого, обошел самого Ленина, он прошел через все барьеры - там же умы какие сидели! А Бухарин, Зиновьев, остальные? И он пробрался на вершину. Каким образом? Огромную крестьянскую страну сделал атомной державой. Как Черчилль говорил, принял с сохой, а оставил с атомным оружием, и какую огромную империю создал человек!

- Сколько фактов и сколько вымысла в фильме?

- Чтобы ни у кого не возникало никаких вопросов и никто не обманывался, нужно сказать: это художественная переработка всего документального, что мы нашли. Фильм не претендует на документальность, на хроникальность, это творческое преобразование его биографии. Жизнь Сталина глазами художника - мы смотрим и решаем все на уровне эмоций, переживаний, а не на уровне оценки его политики. Мы просто смотрим: какой он, живой человек. Также страдал, также рос, что с ним было. Мы делаем из него простого, обычного человека, который идет вверх, и что с ним по пути происходит.

- И он становится властью. В связи с этим вспоминаются слова Андрея Битова, когда он отвечал на вопрос о своем отношении к «модным» фильмам и спектаклям о вождях. Вот что он сказал: «Когда Ельцин сложил с себя полномочия на новый 2000 год, и мы сердились, что опять приходится о них думать, когда хочется только выпить, мне под утро приснился сон. А мне снятся вещие сны. Мне приснился титульный лист газеты «Правда» со всеми ее шрифтами и логотипами - с первым постановлением нового главы государства. И там было написано: «Всесоюзная перепись царей». Генсеки там были приравнены к царям... А тогда еще не было даже всесоюзной переписи населения. Это все было зрением будущего.

Указ так и не был опубликован. А сейчас я смотрю, как он день за днем выполняется. Мы видим, как идет эта всесоюзная перепись царей - по телевидению, даже у бывших диссидентов, в сериалах по Аксенову и Рыбакову, в театре у Юрского, - идет это очеловечивание верховной власти. Я понимаю, что на нее ложилась тяжесть в виде самой большой ответственности и самой большой зависимости. Но власть должна зависеть от всех, а она начинала зависеть от окружения. Хуже не придумаешь. И всесоюзная перепись царей идет своим чередом». Как вы расцениваете эту тенденцию очеловечивания верховной власти?

Л. Джигбашвили в роли Сталина

- Тенденция в искусстве вообще? Так нельзя ставить вопрос, потому что любое произведение искусства интересно как раз очеловечиванием. Если ты не покажешь человека с его нервами, с его задумками, переживаниями, с его взлетами и падениями, никакого особого предмета искусства в таком случае не существует. Не можем же мы рассказывать про камень, который лежит. Нет, можно, конечно, - это уже авангардизм, но если мы говорим о человеке, мы его показывать должны как живого, да? Будь это личность, стоящая у влас-

ти, или просто маленький человек – в любом случае задача искусства: очеловечить. Даже если мы про мышку рассказываем, она должна очеловечиваться. Здесь нельзя говорить о какой-то тенденции.

- У вас снимаются актеры грузинских театров, все Грибоедовцы и даже директор Грибоедовского театра сыграл роль наместника, губернатора. Каковы ваши впечатления?

- Вообще сюда надо приезжать снимать кино! Именно в Грузию. Почему? В первую очередь, здесь блестящие интерьеры, еще сохранившиеся. К сожалению, в Москве – катастрофа! Все обновляется. Приходят «новые русские» и обновляют все. Здесь тоже перестраивают, но еще очень многое осталось. Во-первых, с точки зрения интерьера – прекрасный, представляете, эти древнейшие церкви, старые здания, которые сохранились! Во-вторых, с точки зрения природы. Необычайная красота, необыкновенность просто! И третий фактор – великолепные актеры. В Грузии особый менталитет. У грузин в крови некоторый артистизм. Потрясающе! И у тех русских, кто живет в Грузии, какая-то преемственность! Это все перемешивается: русский человек, родившийся здесь, тоже приобретает этот менталитет, колорит внутренней культуры, который невозможно передать. Смотришь на экране и восхищаешься: он живет на экране. Очень сильные здесь дарования. Да и другие, не только актеры. Возьмите художника, который у нас работает – Джемала Мирзашвили, или оператора Гиу Герсамия. А посмотрите, как мальчики работают! Маленький мальчик, играющий роль Сталина в детстве, - мальчик, у которого отец погиб в войну 90-х, Коте Джанджгава, только мать у него одна, и как он играет, это потрясающе. А восемнадцатилетний Сталин! 18 лет парню, он студент театрального, Леван Джигбашвили. Как они органичны – в 18 лет и в 12, просто обалдеть можно! Роль взрослого Сталина играет Давид Георгобиани, дебютировавший в картине Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Эпизоды с ним параллельно снимаются в Москве на сталинской даче «Кунцево».

- Вы снимаете грузинские сериалы?

- Я снимаю только грузинские сериалы, девять серий, и они касаются только детства и юности Сталина. Моя задача была показать истоки, откуда в Сталине появились те или иные черты характера. Почему он такой стал? Я являюсь автором сценария этих девяти серий и сам же снимаю, я должен разобраться в нем, исследую его личность, характер – прежде всего по задумке нашего продюсера.

- Когда ждать выхода в эфир сериала?

- Начало намечено на конец октября. 81 серия. Одна

Н.Светицкий на съемочной площадке

бригада здесь, а в России еще две работают.

- Помимо организационных, чисто технических моментов, что дается труднее всего?

- Работать с детьми, конечно.

- А относительно тематики?

- Труднее всего видеть линию развития характера. Не упустить ее, потому что надо четко проследить эти «извилины», как он шел, колебаясь между Богом и дьяволом. Как он отошел от Бога сначала – когда-то в детстве ушел от Него, и как потом, к концу жизни, он вернется назад, к Богу. А здесь мы показываем период колебаний, он даже доходит до мысли о самоубийстве. В один момент он решает покончить с собой, но возникает такая ситуация, которая помешает ему это сделать, и он живет дальше, и что с ним потом происходит. Эти колебания мы показываем, и это очень трудно.

- Не есть ли все это романтизация зла?

- Ну почему же? Мы не говорим, что это добро или зло, не говорим, хорошо оно или плохо. Мы просто показываем, что было, но увиденное нашими глазами, как бы рассказываем нашу версию жизни этого человека. Нам кажется, что он себя видел таким, так он себя представлял. Вот и все. Здесь нет романтизации. Почему здесь все показано с его точки зрения? Потому что это – воспоминания его детства. То есть он там вспоминает свое детство. Он, конечно, романтизирует ту действительность. И это оправдано в кино, в сериале. Он оттуда смотрит на себя здешнего. И, конечно, многие вещи ему кажутся приукрашенными, и сам он приукрашен. Все оправдано.

- Давайте сменим тему и поговорим о вас и об «этапах большого пути». Вы с братом начинали в Тбилиси: он как актер Грибоедовского, вы как журналист. Что главное помните из той школы? Вы ведь и сейчас пишете...

- Да, я начинал с журналистики, работал еще в «Заре Востока». Сейчас я тоже пишу – для себя, много сценариев, я уже сценарист и режиссер, своя дорога у

меня определилась. Тогда это было каким-то началом. После занятий журналистикой, и очень интересных, я перешел на телевизионную работу, очень долго работал на американцев – прекрасная школа: организация, четкость, дисциплина, очень жесткая, абсолютно профессиональная школа. Причем я все этапы прошел: был и монтажником, и оператором, и звукорежиссером, и продюсером, и режиссером. Почему мне сейчас легко? Я просто уже владею каждой профессией, и знаю, как и что должно быстро и хорошо работать.

- С чего вы начали в Москве, когда переехали туда из Тбилиси?

- Когда я поехал отсюда в Москву, работал на НТВ. Меня пригласили техническим директором канала «НТВ-Интернэшнл». Я этот канал создал с самого начала, с нуля. Работа продолжалась год. Потом меня позвали на «НТВ-Кино», где я занимался творческими вопросами. И в создании одного из первых российских сериалов принимал самое непосредственное участие, это – «Каменская». Самый дорогостоящий сериал по

из России. И такое сплошь и рядом. Чем больше политики будут ругаться, тем больше творческие люди будут объединяться. Потому что для творчества политика никогда не имела никакого значения, и в творчестве вообще не существовало границ. Поэтому особых проблем здесь нет.

- И тем не менее, что сегодня в России знают о современной грузинской культуре?

- Те, кто по-настоящему интересуется искусством, прекрасно знают имена грузинских актеров, режиссеров, композиторов, художников и так далее. Вы имеете в виду массовую картину? Может быть, они меньше представлены на телевизионных каналах, московских скажем, но это естественно: там идет борьба, конкуренция.

- Если посмотреть сторонним взглядом, всегда найдется несколько людей, которые интересуются культурой по определению, но не покидает ощущение, что «распалась связь времен»... Наверное, не только из-за политики, но и в силу технических причин: трудно ездить стало, а потому и труднее общаться...

- Конечно, вся перестройка, – речь не о той, что была в конце восьмидесятых, а вообще перестройка всей жизни, – она, конечно, повлияла на все эти отношения. И, конечно, многие от нее устали, не только люди моего поколения, но даже молодые, потому что трудно. Китайцы же говорят: «Не дай бог жить в эпоху перемен». К сожалению, в нашу эпоху такое случилось, и мы все оказались в одной и той же ситуации.

- Вы видите выход из нее, перспективу взаимного сближения?

- Мне кажется, что ничего не произошло. Вообще! Может быть, какая-то пропаганда того, что все умирает, уже зачахло. Какой-то период и был – войны и так далее, но

все вернулось назад. Сейчас, и это абсолютно однозначно ощущается, чем больше по телевизору слышится взаимных обвинений, тем больше людей смотрит на ситуацию по-другому. Обычный народ, общество, да? Кто летает в Москву, тот знает. Когда едешь, понимаешь. Там кто-то говорит: ой, что у вас в Грузии творится, здесь – что происходит в Москве. А оказывается, нет! Все на своих местах. Люди приезжают друг к другу, целуются, обнимаются, любят друг друга. Здесь русская речь везде слышна, там часто можно услышать на улице грузинскую. Единственное, есть там какие-то экстремалы, но такие находятся в любом государстве. А так все нормально.

ИННА КУЛИШОВА

Рабочий момент

тому времени. Я был заместителем руководителя организации «НТВ-Кино», у Владилена Арсеньева. Кстати, он тбилисский человек, и его предки отсюда. Он меня пригласил, и я занимался раскруткой этих сериалов. Потом, когда НТВ распалось, мне пришлось переключаться на другие вещи. Опять же очень много на английском работал. Сейчас перешел в кино.

- Если говорить об искусстве вообще, как сегодня представлены грузины на российской сцене, в каком состоянии находятся наши культурные связи?

- Вы знаете, они живут, продолжают жить, и мы видим это, можно сказать, каждый день, каждый месяц. Проходят взаимные концерты, очень много грузин в Москве работает, сюда часто приезжают на гастроли

«Лишь истина окажется права...»

Драма не в том, что мы стареем, а в том, что остаемся молодыми, - фраза, обретающая с каждым годом все больший смысл, неизменно вспоминалась после встреч с МИХАИЛОМ ГЕОРГИЕВИЧЕМ КВЛИВИДЗЕ. Молодость - душевная, внутренняя - ни в чем и никогда не покривившего душой поэта была очевидна каждому, кто слышал, как он читал свои и чужие стихи, как горячо говорил о волнующих всех нас проблемах. Жизнелюбие, прямота, неприятие несправедливости, лжи, позерства, - все это благодарная память хранит и теперь, спустя год с небольшим после его ухода из жизни.

Сколько интереснейших подробностей московской писательской жизни слышал я в этом добром, всегда открытом для друзей доме! Не все наши беседы вылились в публикации. Но в тот мартовский день прошлого года мы оба почувствовали, что время для этой записи настало...

(Беседа публикуется с сокращениями, в форме монолога).

МОСКВА

- Я с огромной тоской и какой-то болью вспоминаю свою жизнь, которую провел вдаль от Грузии, в Москве, - те 33 года. С грустью вспоминаю московские улицы, московскую жизнь, московский темперамент, ту борьбу, политическую

или художественную, которая тогда происходила. Я занимался грузинской поэзией и как представитель грузинской литературы в Москве был, главным образом, связан с издательствами и занимался переводами - иногда сам, но чаще заказывал переводы и следил за тем, чтобы книги лучших писателей и поэтов Грузии выходили вовремя и хорошо.

Но больше всего мне вспоминаются мои друзья, с которыми я делил хлеб, с которыми дружил, обменивался мыслями и от которых многое перенял. Я, конечно, очень хорошо знал и Маршака, и Твардовского, и Чуковского, - многих из людей старшего поколения, которые создали русскую советскую культуру. В Союзе писателей была интересная организация - Бюро пропаганды художественной литературы. Нам создавали условия, мы ездили поездами и летали самолетами на самые окраины страны, встречались с самыми различными людьми, читали свои произведения, слушали их мнения и запросы, узнавали от них много интересного.

Я объехал почти весь Советский Союз и в этих поездках подружился со многими писателями из всех республик. Мы ездили вместе, выступали, дружили, иногда ссорились, и все это было очень интересно. Но самое большое впечатление на меня оказали несколько человек, которых я хочу сейчас вспомнить.

ОКУДЖАВА

Конечно, это Булат Окуджава. Не только потому, что он мой земляк, а потому что это был удивительный человек. Я второго такого человека не встречал за свои 80 лет, - благородный, добрый, умный, мудрый, всепрощающий и всепонимающий. Булат Окуджава жил рядом со мной в Москве, мы часто ездили в одной писательской бригаде. С нами были хорошие ребята - Саша Иванов, пародист, и Женя Храмов ездил с нами, и много других хороших писателей и поэтов.

С Булатом меня связывала самая настоящая дружба. И удивительно, знаете, - вот сейчас уже время прошло, его нет на свете, а память хранит очень многое. Он много добра сделал мне: когда я болел, он ухаживал за мной, лечил меня, делился хорошими мыслями. В нем

как-то сочетались кавказское благородство, грузино-армянская мудрость, и в то же время фронтовая черта - мужество. Он мог вступить в драку ради своего друга, который вместе с ним ездил. Он был очень верный и преданный друг. Я уже не говорю о деталях, которые трогательно вспоминать: он даже советовал, как я должен поступить в той или иной ситуации, - как отец, как друг, как писатель... Когда скончалась моя жена, он пришел и разделил со мной хлопоты по похоронам, потом мы ходили на кладбище. Он был очень дружелюбным человеком. И очень мудрым. Я не знаю, почему его долго преследовали, что там им не нравилось, но я был свидетелем, когда на Дальнем Востоке молодежь буквально редела от его песен. И когда они, стоя, подпевали ему, аплодировали, не отпускали со сцены - это было изумительно! Его обожали! Потом я видел его успех за границей.

Перед своей болезнью и смертью Булат сделал замечательный подарок: он издал книгу стихов в Америке, и в ней, среди друзей, кому он посвящал стихи, есть и моя фамилия. Оказывается, он посвятил мне свою «Грузинскую песню»: «Виноградную косточку в теплую землю зарюю...» Я счастлив, что эта песня принадлежит мне, потому что как-то мы с ним вместе ездили в Ленинград и жили в «Астории». И однажды ко мне в номер постучалась какая-то девушка, грузинка, и попросила послушать ее стихи. Когда я спросил, кто ее надумил прийти ко мне, оказалось, что она сначала пришла к Булату Окуджава, а он сказал, что «профессор грузинского стиха» живет рядом. Звали ее Дали Цаава, она жила в Сухуми. Я ее послушал, оставил у себя ее стихи, а когда вернулся в Тбилиси, здесь их напечатал. Потом она стала известным поэтом, но, к сожалению, рано скончалась. Она дружила с великим ленинградским поэтом Иосифом Бродским. Писала очень интересно, своеобразно. И вот благодаря ей, это имя - Дали - появилось в этой песне. Я сказал ей об этом, когда мы встретились в Тбилиси, и она, конечно, была очень рада.

С Булатом было просто интересно, потому что он был великий поэт. По моему убеждению, это один из лучших поэтов советской эпохи. Он внес необходимую струю гуманизма, доброты, благородства, молодежного задора в ту поэзию, которая часто была чиновничьей и декларировала какие-то лозунги и назидания, которые всем набили оскомину. И мало

один из лучших поэтов советской эпохи. Он внес необходимую струю гуманизма, доброты, благородства, молодежного задора в ту поэзию, которая часто была чиновничьей и декларировала какие-то лозунги и назидания, которые всем набили оскомину. И мало

кто в них верил. Я убежден, что историю грузинской и вообще всей советской поэзии надо заново написать, потому что там много вранья. Ведь нельзя было всю жизнь воспевать доблесть колхозного труда и т.д. - надо было писать и о трудной жизни советских людей. Она была действительно трудной. Я уже не говорю об идеологических запретах. Многие наши вещи, конечно, не печатались, но, выступая среди трудящихся, я читал мои грузинские стихи в переводе русских поэтов.

Русский язык я знаю так же хорошо, как и родной грузинский, и так же его люблю, но никогда не писал по-русски и свои стихи не переводил, - меня переводили другие, и, кстати, великие поэты - и Пастернак, и Ахматова, и Заболоцкий, и Тарковский. Я жил в эпоху, когда появились замечательные молодые поэты - Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. И они дружили со мной, переводили мои стихи. Я им подсказывал, как это надо делать, готовил подстрочники, - очень грамотные, со многими синонимами, - и они, не зная грузинского, довольно хорошо переводили. Белла Ахмадулина даже говорила, что лучше всего переводит мои стихи.

ПАСТЕРНАК

Я присутствовал при жизни Бориса Пастернака. Это был величайший человек, большой поэт. Хотя Маяковского я очень люблю и считаю хорошим поэтом, но Пастернак был другим... Это был великий поэт. И

вот когда опубликовали «Доктора Живаго», и когда появились стихи из романа... Это были поразительные стихи. К счастью, я их хорошо знал. Мне рассказали случай, когда Твардовский шел на рыбную ловлю, и с ним был один еврейский писатель. И Твардовский вдруг ему сказал: «А ну, прочтите что-нибудь Пастернака». И он прочел «Алушту». Твардовский остановился, долго стоял, потом пошел дальше и сказал: «Прочтите еще раз». Он прочел еще раз, и тогда Александр Трифонович сказал: «Ну конечно, это величайший поэт!» А потом был скандал с романом «Доктор Живаго» и вся эта мерзкая история... Кстати, мне как писателю этот роман очень многое дал: он как-то по-новому осветил эпоху, которую я, казалось бы, знал. Там была одна фраза, которая мне подсказала любимые стихи мои. Молодой Живаго говорит примерно следующее: «Человек рождается для того, чтобы жить, а не готовиться к жизни». Вот эта фраза меня совершенно потрясла. Ну, это дело прошлое, мною уже написано с тех пор кое-что, и Пастернака нет уже в живых.

Когда однажды весной 1960 года все цвело, было очень красиво, мне позвонил Саша Межиров (было раннее утро) и сказал: «Здесь внизу - я и Боря Ямпольский, с нами такси, скончался Пастернак, мы едем в Переделкино». Когда мы подъехали к даче Пастернака, на этой маленькой территории стояло всего человек семь (хотя о смерти поэта знали все). Это были изгнанные из литературы люди, которым даже переводы не печатали - Бугаевский, Вильмонт и другие. Они

столпились у штакетника, а в глубине стояла дача. Я вошел в дом, меня встретила Нина Табидзе, Пастернак скончался у нее на руках. Я постоял немножко, потом вышел во двор. Земля была сырая, но мы с Сашей Межировым сели прямо на траву и стали ждать. Никого не было. Журналисты толпились за забором и фотографировали тех, кто внутри. Саша Межиров сказал: «Давай спрячемся, нас сфотографируют». Я сказал: «Ты что, с ума сошел, - это единственная возможность попасть в историю». Вдруг стукнула калитка и, как чудо какое-то, вошел Рихтер. Он прошел в дом, распахнул окна и двери, которые еще не были раскрыты, сел к роялю. Это был необычайный концерт! Я не думаю, чтобы кто-нибудь в мире слушал что-то подобное. Он играл три с половиной часа! Было уже 11 часов утра, постепенно собрался народ. Некоторые входили в дом, появилась милиция. Наконец, Рихтер прекратил игру, вышел и удалился. Вот таким я и запомнил его - уходящим. Потом хоронили Бориса Леонидовича, была какая-то демонстрация, какие-то молодые люди лезли в могилу, выкрикивали какие-то лозунги, но не в этом дело. Дело в том, что Пастернака уже не было. К сожалению, грузинских писателей было мало, многие только жен прислали, потому что Пастернак был в опале.

АХМАТОВА

Были очень интересные встречи. Очень трудно пересказать, чему я научился, что узнал. Ну, естественно, существовала Ахматова. Великая Ахматова. На мой

взгляд, - последняя наследница пушкинской музыки. А эти идиоты как только ее ни ругали, - она писала не так, как им нравилось. Однажды (это было в начале 60-х) мне сказали, что Ахматова приехала в Москву. Я узнал, что она живет в нашем доме, у писателя Ардова. Я позвонил ему и попросил Анну Андреевну. Она подошла, голос был очень старческий, я представился и сказал: «Я хочу вас видеть». Она сказала: «Приходите». Но когда узнала, что я приехал из Тбилиси, сразу потеплела, прямо повела меня на кухню. Мы пили чай, и она ничего не спрашивала. Потом я обнаглел и сказал, что тоже пишу стихи и, может, она послушает. Ахматова сказала, что она сейчас едет в Италию, чтобы получить премию Петрарки за переводы, что занята и не будет переводить. Но, заметив, что я немножко обиделся, сказала: «А ну-ка покажите стихи». У меня были подстрочники, и она стала их листать, потом вдруг надела очки и стала внимательно смотреть. Потом пять или шесть стихотворений отложила в сторону, уселась на них, и вдруг сказала: «Это мои стихи, никому их не отдавайте. Я их переведу». И за два дня до отъезда в Италию перевела эти стихи, мне передали ее рукописи. Я был невероятно счастлив, - великий поэт перевела мои стихи! Ахматова была очень интересней собеседник. Вспоминала Грузию, друзей своих, которых уже не было в живых... Об Ахматовой очень интересно рассказывал Булат Окуджава, который тоже с ней встречался.

Я уже не говорю о встречах моих с Маршаком, который был очень интересным, умнейшим человеком. С Чичибабиным, прекрасным поэтом, который сидел в лагере, вышел, я с ним встретился, и он мне книгу подарил (видно, услышал обо мне где-то). С Леонидом Мартыновым, прекрасным русским поэтом, - со многими поэтами, которых здесь, в Грузии, знали мало. Я многое почерпнул из их творчества, в том смысле, что русская поэзия - совершенно иная. Но я в ней нашел то, чего мне не хватало, - это поэзия мысли, а мне уже оскомину набила эта музыкальность грузинского стиха, - я утрирую, конечно. И я старался в стихах донести мысль, чтобы она взяла человека за живое. Когда на Западе заинтересовались советской поэзией всерьез, в Италии решили издать стихи народов СССР. Почему-то только мой сборник был переведен на итальянский язык. В предисловии переводчик пишет, что эту книжку выбрали потому, что она далека от политики, в ней говорится о человеческих чувствах - о любви, о родине, о родителях, о близких, о смерти, о жизни, - это вечные темы поэзии.

ГРАММ ПОЭЗИИ НА ТОННУ РУДЫ

Есть у Квливидзе шутовское стихотворение о сути поэзии, и в кратком пересказе оно звучит, примерно, так: «Вы занимались когда-нибудь рыбной ловлей, когда сидишь с удочкой у реки и ждешь? Вот и наше ремесло похоже на это: сидишь за столом, держишь ручку и ждешь, и надеешься...»

- Понимаете в чем дело, - стихи надо изобретать, открывать, как острова! Ну, вот так это делали великие поэты. Не всегда получается, не всегда. Но нельзя,

М.Квливидзе, Е.Хромов

хорошо перевел мой «Монолог Иуды». Женя – трогательный человек, я очень его любил. Ранние его стихи я обожал и сейчас люблю.

Кстати, о том времени. Мы, молодые поэты, где-то сидели, выпивали, спорили, и там был Маршак. Он сидел, слушал, потом вдруг рассердился и потрясающую фразу сказал: «Господи! Стихи надо исторгать, как сперму, а они пишут стихами!»

ВОЙНА

- Я не знаю, неужели можно забыть Великую Отечественную войну! Это немыслимо, о чем вы говорите! У меня есть стихотворение, оно, как рецепт, написано, - очень коротко, лаконично: «Вспомнил время давнее совсем:/ Мама./ Елка./ Скарлатина./ Брем./ Школа./ Книги./ все длин-

нее ряд их, -/ дней прочтенных книжная стена.../ Неожиданно – конец тридцатых/ и война». И конец, кончилась жизнь. Отец мой был в Керчи, в этой страшной мясорубке, но вернулся. А брат погиб в Ворошиловграде. Он был старше меня на два года, хороший был парень. И я до сих пор не знаю, как это произошло. Моего брата выругал по матери командир. И Сандрик его избил до полусмерти. И его в штрафную роту отправили. Вот я не знаю, кто его убил, немцы или наши, - там всякое бывало. Для меня незабываемым фильмом остается «Баллада о солдате». Это потрясающий фильм. Я никогда не забуду, как мы провожали моего брата на фронт, мама калоши захватила, чтоб он ноги не промочил, и совала их ему на вокзале. А там ребята стояли, и Сандрик ее руку оттолкнул. И я не забуду слезы мамы, которая прижимала к груди эти калоши – новые, красные внутри... Есть вещи, которые нельзя забыть...

скажем, о смерти писать так, как все знают об этом. Знают, да, но не это правда. Правда – другое, что ты должен открыть. Если откроешь – молодец. Действительно, иногда получается. Иногда нет. Я не знаю, это как повезет. Ахматова ведь сказала: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Бог знает, из чего только они не рождаются. Мне стихи подсказывали многие шуточные, смешные случаи. Они наталкивали меня на то, что важно.

Мой любимый переводчик, великий переводчик грузинской поэзии, конечно, Николай Заболоцкий. Я как-то буквально ворвался к нему домой и сказал, что тоже пишу стихи. Он был добрый старик, достал грузинское вино, усадил меня и стал говорить о русской живописи – о художниках XVIII века, о Рокотове (я ведь окончил Академию художеств и кое-что в этом понимаю). А потом перешли на поэзию, и я дал ему одно стихотворение – «Ушба». Оно о любви, написано белым стихом. Он перевел его потрясающе! Это был удивительно точно ритмизованный стих. Я отнес его Константину Симонову (он был редактором «Литературной газеты»), стихи ему понравились, но он сказал: «Я не люблю белые стихи, скажите Заболоцкому, чтобы он перевел рифмованно». Заболоцкий выругался, сказал, что нельзя белые стихи переводить рифмованно. И тогда это стихотворение напечатал в своем журнале Степан Щипачев. И оно сослужило мне большую службу. На Декаде грузинской культуры, когда все читали идейные стихотворения, я прочел эти стихи о любовной драме, и они понравились Фурцевой. И когда раздавали награды, она спросила, - а этот парень есть в списке? И, оказывается, сама вписала мою фамилию, и мне дали орден «Знак Почета». Интересно было в Москве работать, мне очень много давало это общение, хотя, конечно, я скучал по Грузии.

Р.С. В одну из последних наших встреч он сказал, гася сигарету: «Вот послушай, старик, какие стихи написал Женя Хромов: «Я поле жизни перешел/ И отдохнуть присел./ Там тихо одуванчик цвел/ И жаворонок пел./ И было мне так хорошо./ Что я забыл почти./ Что поле жизни перешел./ И дальше нет пути». – Как просто и как хорошо, правда?»

Потрясающие по силе и емкости строки самого Миши Квливидзе: «Ты лишь одна не знаешь./ что мертва ты./ Я знаю лишь один./ что ты жива./ И это отличает нас с тобою/ от всех других - / от остальных, от прочих».

И стихотворение в прозе «Почему улыбается Джоконда?»: «Выглянув из рамы./ как из окна./ она сама рассматривает тех./ кто пришел поглазеть на нее, -/ и это ей кажется забавным».

Евтушенко переводил очень лихо, свободно. Очень

АНДРЕЙ БЕЛЯВСКИЙ

Тбилисский ботанический сад отмечает свое 370-летие. Юбилейные торжества пройдут в первой половине октября.

На самом деле, время закладки ботанического сада называется условно. Возможно, он даже старше, чем принято считать. Имеются свидетельства о существовании в 30-е годы XVII столетия роскошного сада в южной части исторического центра Тбилиси, в живописном ущелье реки Цавкисисцкали. Эту местность называли также Инжировой долиной из-за растущих там инжировых деревьев. Сад принадлежал царскому двору, и уже в то время выполнял функции ботанического. Искусные садоводы разводили там декоративные, лекарственные, сельскохозяйственные растения и заботились об их распространении среди населения.

Посетивший Тбилиси в 1672 году французский путешественник Жан Шарден в своих записках «Путешествие в Грузию» выделяет сад в Инжировой долине среди других садов, окаймляющих город. «Здесь сравнительно немного фруктовых деревьев, - писал он, - зато высажены другие, которые не встречаются в остальных садах. Они украшают местность и дают тень и прохладу в самые жаркие летние месяцы».

Об этом же саде упоминает ботаник Турнефор, побывавший в Грузии в самом начале XVIII века. А путешественник Делaporte после посещения Тбилиси в 1786 году оставил подробное описание сада и системы действовавших там оросительных каналов.

В книге «Описание прошлого», увидевшей свет в 1866 году, грузинский историк Платон Иоселиани пишет: «Среди 300 садов, окружающих Тбилиси, особого внимания заслуживает древний сад грузинских царей в Инжировой долине. Сегодня он находится в распоряжении казны и называется ботаническим».

Официально название «Тбилисский ботанический сад» было утверждено Указом Наместника Государя Императора на Кавказе графа Михаила Воронцова от 1 мая 1845 года. По замыслу наместника, здесь должен был быть учрежден общекавказский центр разведения фруктовых и овощных культур, других растений хозяйственного назначения, а также центр по изучению растительного мира Кавказа и сбора коллекций местной флоры. Таким образом, Тбилисский ботанический сад стал первым научным учреждением в современном понимании в масштабах Кавказского региона.

В том же 1845 году в далеком от Грузии городе Саратове появился на свет человек по имени Яков Медведев, которому вскоре предстояло сыграть выдающуюся роль в развитии Ботанического сада в Тбилиси. В 1867 году его, выпускника Лесной академии, направляют на работу в Закавказье. В 1880 году он назначается руководителем Кавказского управления землеустройства и сельскохозяйственного производства, в ведомство которого Тбилисский ботанический сад передали в 1883 году. С тех пор и до самой своей смерти (он умер в 1923 году и похоронен в Тбилиси) Яков Медведев являлся консультантом Ботанического сада. Под его непосредственным руководством здесь начинают выпускать каталоги растений и семян, ведут плодотворную научную работу. По инициативе Якова Медведева в

СОХРАНЕННАЯ ЛЕГЕНДА

Я. Медведев

А. Роллов

Тбилиси приглашаются видные ученые того времени Н. Альбов, С. Тимофеев, А. Ломакин, И. Спешнев и многие другие, которые не только занимаются исследовательской деятельностью, но и участвуют в подготовке местных научных кадров. Тогда же были заложены первые оранжереи и библиотека сада, ставшая впоследствии самым богатым на Кавказе собранием литературы в этой области. Под патронатом Медведева начали издаваться сборники «Труды Тифлисского ботанического сада».

Первый том увидел свет в 1895 году.

- Я знакома с научными работами сотрудников сада тех лет, - говорит и.о. директора Тбилисского ботанического Манана Элбакидзе. - Не могу не отметить серьезность задач, которые уже тогда ставили перед собой исследователи, и высокий уровень их выполнения. Безусловно, огромная заслуга в этом принадлежит Якову Медведеву, который отличался как выдающимися организаторскими способностями, так и несомненным талантом ученого. Многие его работы, такие, в частности, как монографии «Деревья и кустарники Кавказа», «Растительность Кавказа» и другие до сих пор не потеряли актуальности.

По рекомендации Якова Медведева первым директором Тбилисского ботанического сада (до этого такой должности не было) в 1902 году был назначен 32-летний выпускник Московской сельскохозяйственной академии, выходец из семьи живших в Тбили-

си немецких колонистов Адольф Христиан Роллов. Адольф Роллов возглавлял Ботанический сад в Тбилиси немногим более полутора десятка лет и сумел за это время превратить его в научно-исследовательское учреждение, работающее на уровне мировых стандартов того времени. Еще до своего назначения молодой ученый в течение двух лет ознакомился с работой ботанических садов в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Северной Америке. Он вывез оттуда семена неизвестных тогда на Кавказе растений и высадил их в Тбилиси.

В эти годы окончательно формируется система отделов и лабораторий ботанического сада, они оснащаются самым современным оборудованием. Экспедиции начинают приобретать регулярный характер. Открываются региональные отделения, опытные станции как в Грузии, так и в масштабах Кавказа. Ботанический сад налаживает партнерские контакты, ведет активную переписку, обмен семенами не только с ботаническими садами Российской империи, но и с аналогичными учреждениями Европы, Североамериканских Штатов, Австралии, Индии. Все это дало возможность увеличить коллекцию флоры и гербария ботанического сада.

Здесь трудятся такие крупные русские и европейские ученые, как Ф. Зайцев, Д. Сосновский, В. Савин, И. Воронов, И. Фомин, Г. Раде, Г. Шаррер, А. Гроссхейм, И. Клау, И. Кениг и другие.

В этот период значительно увеличилась территория сада, возводятся новые, современные мосты и акведуки, оборудуются резервуары для поливочной воды. Количество книг в библиотеке Тбилисского ботанического сада выросло более, чем в двадцать раз.

По инициативе первого директора учреждаются периодические издания «Вестник Тифлисского ботанического сада» и «Записки научно-прикладных отделов Тбилисского ботанического сада» (последнее издавалось с 1919 года на грузинском языке). Всего за время, в течение которого Адольф Роллов руководил садом, было издано более 90 томов, в которые вошли научные труды сотрудников. Это - помимо издаваемых работниками сада научных монографий, а также многочисленных статей, опубликованных в других отечественных и зарубежных изданиях.

«История деятельности Адольфа Христиановича Роллова по 1918 год, когда он покинул пост директора, по существу говоря, есть история Тифлисского ботанического сада и совпадает с наиболее яркими страницами расцвета этого крупного научного учреждения. Всегда живой и деятельный, умеющий выбирать сотрудников и ценить их работу, он невольно заражал каждого своей кипучей и неукротимой энергией», - пишет в своих воспоминаниях об Адольфе Роллове работавший с ним на протяжении многих лет выдающийся исследователь флоры Кавказа Дмитрий Сосновский.

Последние десятилетия жизни (Адольф Роллов умер в 1952 году в Тбилиси) первый директор Тбилисского ботанического сада полностью посвятил преподавательской деятельности. Он основал в ботаничес-

ком саду школу рабочих-садоводов, был первым директором высших сельскохозяйственных курсов при министерстве землеустройства Грузии, а затем - профессором Грузинского политехнического института и Тбилисского государственного университета.

Дело Адольфа Роллова продолжили следующие руководители - Петр Жуковский, Юлон Ломоури, Захар Канчавели, Дмитрий Гедеванишвили. Особая заслуга в развитии этого научного учреждения во второй половине прошлого столетия принадлежит выдающимся грузинским ученым, академикам Василию Гулишавили и Мамии Гоголишвили (последний умер в этом году в возрасте 92 лет).

На протяжении своей долгой истории Тбилисский ботанический сад переживал как периоды расцвета, так и периоды упадка. Сохранились свидетельства того, что при пожаре в Тбилиси во время нашествия Ага-Мохамед-хана в 1795 году сад сгорел практически полностью. Сохранились лишь несколько тутовых деревьев. В 1934 году из Тбилисского ботанического сада выделено несколько независимых научных учреждений, сам же сад лишился как статуса научно-исследовательского учреждения, так и научных штатов. Это положение продолжалось в течение почти десяти лет. И только в 1943 году Тбилисский ботанический сад восстановили в системе Академии наук Грузии.

Один из самых трудных этапов для Тбилисского ботанического сада наступил с 1991 года, после развала Советского Союза.

- Не было ни электричества, ни каких-либо других источников энергии, - вспоминает бывший директор Ботанического сада, академик Джимшер Кереселидзе. - Людям не из чего было платить зарплату. Финансирование в течение лет было настолько мизерным, что не могло быть и речи не только о полноценной научной работе, но и о нормальном сохранении имеющихся коллекций. Мы работали на чистом энтузиазме. И сумели добиться того, что сад выжил и начал полноценно функционировать. Разговоров о том, чтобы начать в Ботаническом саду коммерческую деятельность, велось в те годы предостаточно. Но мы-то понимали, что в результате Ботанический сад прекратит существование и как научное учреждение, и как любимое место отдыха жителей города и гостей столицы.

Выход из положения был найден в 1999 году, когда у Ботанического сада появился спонсор в лице крупного Международного благотворительного фонда. Благодаря его помощи сад начал возрождаться. Возобновились научные экспедиции, активная исследовательская работа. Сегодня Тбилисский ботани-

ческий сад занимает территорию в 128 гектаров. В его коллекции 4 500 видов растений. Это примерно соответствует среднему европейскому уровню. Здесь около ста штатных работников, отсюда до сорока - научные сотрудники. Из них четверо докторов и тринадцать кандидатов наук.

С Тбилисским ботаническим садом связана вся жизнь Джимшера Кереселидзе. Свою трудовую деятельность он начал здесь рабочим 43 года назад. Сейчас академик Кереселидзе является заместителем председателя комиссии по подготовке юбилейных торжеств (возглавляет комиссию президент Национальной Академии наук Грузии академик Тамаз Гамкрелидзе).

- Юбилей будет праздноваться широко, - говорит Джимшер Кереселидзе. - С 11 по 14 октября мы ждем в Тбилиси гостей. Прежде всего, руководителей ботанических садов из разных стран мира, практически со всех континентов, с которыми у нас партнерские отношения. Их более трехсот. Ожидается также при-

езд руководителей Всемирного и региональных объединений ботанических садов. В грузинской столице состоится юбилейная научная конференция, будет открыта выставка икебаны. В рамках юбилейных торжеств мы также посетим дом Адольфа Роллова в Бакуриани, где первый директор Ботанического сада основал опытную альпийскую базу.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

А. Варсимашвили, Г. Габуня, Н. Свентицкий, О. Мегвинетухуцеси

«ЗВЕЗДА - ХРАМА»

Государственный драматический театр имени Котэ Марджанишвили последовал примеру театра имени Шота Руставели, увековечившего имена уже двух своих кумиров Рамаза Чхиквадзе и Медеи Чахава, открыл «звезду» Отара Мегвинетухуцеси. Восторгу зрителей, пришедших на открытие марджановского театра после изрядно затянувшейся реконструкции здания, не было предела. Салют из конфетти, туш, бурные аплодисменты и перекрытое автомобильное движение ознаменовали столь значительное событие в жизни театрального Тбилиси. Однако сам «Дата Туташиа», взошедший на театральный Олимп, казалось, не обнаруживал своего волнения. Необычный разрез огромных серо-голубых глаз, выразительные черты лица, статная, высокая фигура, гордая осанка делали его похожим на античного героя, невозмутимо взирающего на окружающих с высоты своего величия. А вверху на экране проецировались творческие успехи мастера грузинской сцены – фрагменты из самых его известных фильмов и спектаклей. Без сомнения, всенародную славу актеру

принесла роль благородного разбойника – абрека Даты Туташиа... А лавры выдающегося трагического актера – царь Эдип, Отелло, король Лир, Креон, Пиросмани. Во всех его работах ощущаются масштаб, мощь, глубина мысли и чувства... К сожалению, такие крупные актеры, с ярко выраженным личностным началом, сегодня встречаются все реже и реже... как амурские тигры.

Буквально взорвал избалованную театральную Москву Креон - Мегвинетухуцеси из «Антигоны» Ануя. К тому же актеру пришлось играть на русском языке, выдержав серьезный экзамен... на сцене МХАТа!

«От лица Отара Мегвинетухуцеси - Креона невозможно оторвать глаз, - писала московская пресса. - Почти физически ощущаешь, что он буквально придавлен ответственностью - за страну, подданных и за строптивую девочку, невесту своего сына, которая готова погибнуть, кажется, из одного юношеского упрямства... Ясен моральный императив Креона - держать свое слово, следовать долгу, делать свою работу, даже если она такая грязная, как работа царя. С упорством грузинского крестьянина, из года в год сажающего и лелеющего свою лозу, Креон Мегвинетухуцеси несет свой крест: нежно кормит с ложки сумасшедшую жену, пытается спасти Антигону, пробудить мужество в сыне, а когда в финале узнает о страшной гибели родных - не отменяет заседание совета. Порядок для него превыше всего, он как скала разума и духовной мощи посреди рас-

падающего мира, и хотя актер двигается неторопливо и говорит вполголоса, энергетика его столь сильна, что подчиняет себе все вокруг. Блистательно игравший некогда Эдипа, Лира, Отелло, Отар Мегвинетухуцеси неизбежно укрупняет этот образ, делает выбор Креона еще более трагичным, чем выбор Антигоны».

И еще: «Олег Табаков пригласил во МХАТ актера, подобного которому на русской сцене сейчас нет. Дело не только в масштабе таланта (хотя и в нем, безусловно, тоже), в необычном темпераменте настоящего трагика (а не «трагика в пиджаке», которых также во МХАТе не хватало), но и в самой личности Отара Мегвинетухуцеси, про которого очень давно было сформулировано: «Отар – это не человек, это храм»; человек, который сам по себе является предметом искусства. Глядя на него, в голову приходит еретическая мысль, что талант странным образом «одухотворяет» тело, придавая скульптурность его очертаниям, законченность каждому движению и жесту, особую монументальную простоту любым репликам и словам. Он читает по-грузински монолог короля Лира, заклинающего бурю, и кажется, что Шекспира можно читать только по-грузински. Он выходит Креоном, и кажется, что он произносит текст, который только мечтал написать Ануй...»

...Креон-Мегвинетухуцеси выходит на мхатовскую сцену, и меняется планка возможного в актерской про-

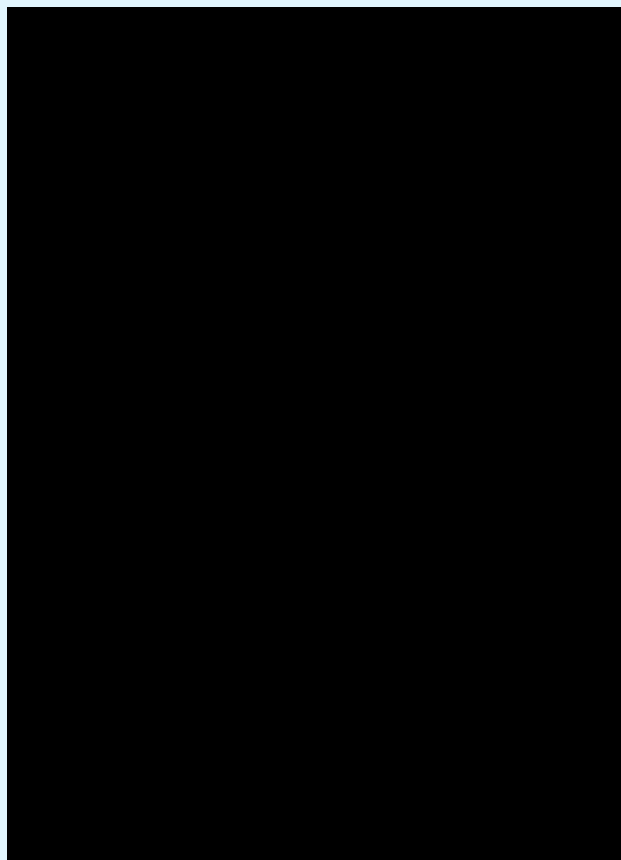

фессии. Движение глаз – смена мизансцены, взлет руки – как подарок. Внутренняя жизнь этого Креона кажется прозрачной и недостижимой».

При таком стопроцентном признании его уникального таланта стоит ли удивляться тому, что Отар Мегвинетухуцеси признан в России «Кумиром» и награжден престижной театральной премией «Чайка»?

Также не забываются его шекспировские образы. Один из них – король Лир.

«Кого он играет? – вопрошает критик Наталья Каминская. – Циника и деспота? Тирана и вечного ребенка? Благородного обманутого отца? Вот главный вопрос на засыпку. Артист демонстрирует филигранную технику, поразительную в его возрасте, готовность к любым, са-

мым современным пластическим экзерсисам. Сцену сумасшествия играет потрясающе – впечатление, что у нас на глазах из-под резца мастера рождается шедевр. Моменты откровенного гротеска сменяются у него вдохновенной героикой, при этом ощутимо и то, как классик безжалостно ломает свою природу в сторону авангарда. Мы увидели яркую живописную фигуру, блуждающую в дебрях комикса. Несчастливого Короля в спектакле без царя».

Еще одна «глыба», сдвинутая «античным героем», Гераклом грузинской сцены Отаром Мегвинетухуцеси: Понтий Пилат из булгаковского «Мастера и Маргариты». И снова – масштаб, философская глубина и одновременно высота существования в образе.

- *Считаете ли вы сегодняшнее событие высшим достижением своей творческой жизни?*

- Высшее или нет, не мне судить. Время покажет. Но если это проявление любви народа к артисту, тогда я счастлив. Не думаю, что в сегодняшнем событии есть что-то показное. Все это настоящее. Поэтому приятно.

- *Но что вы считаете все-таки наивысшим достижением своей жизни?*

- Повторяю, не мне судить. Это решает народ. Сам артист не может быть объективным. Тебе может казаться, что какая-то роль удалась тебе лучше всего, а другой с этим не согласится. Допустим, я могу считать, что Дата Туташхиа – моя вершинная работа. Но на самом деле это может быть и не так... У меня немало таких работ, от которых я не отказываюсь ни в коем случае.

Сегодня Отар Мегвинетухуцеси уже не художественный руководитель театра – теперь на этой должности феерически талантливый Леван Цуладзе. Но, думается, «звездный» Отар долго еще не останется без своего любимого дела... На радость всем нам.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР УДИВИТЕЛЬНОГО МИРИАНА

М.Швелидзе

Мне и моим друзьям было по 19 лет, когда мы, амбициозные и счастливые, пришли в театр Руставели служить ему верой и правдой. Мы уже знали, что театр переживал свой золотой период, так как было все, что нужно для счастья: зритель, всеобщее признание и самое главное – созвездие великих. Тогда с великим режиссером работали великие артисты и художники, даже технический персонал был великим и, к счастью, все эти великие тогда были простыми и скромными. Среди этих простых великих выделялся Мириан Швелидзе, художник театра, мы его называли просто Миром. Честное слово, тогда мы и понятия не имели о существовании французского Мира. Все дифирамбы, которые могут мне прийти в голову в связи с большими художниками, я отсылаю в адрес Мириана, он большой художник – кричу, опережая тех, кто то же самое скажет о Мириане лет через сто. Он большой художник, говорю сегодня, когда он жив, здоров и дай бог ему еще много-много лет жизни и здоровья. Он занимает место в когорте больших художников мирового театра.

Он очень внимательно слушает, когда режиссер рассказывает ему свой замысел, часто кивает головой,

произносит «ага-ага», но потом постепенно его взгляд становится отстраненным и видно, как он уплывает в своем сознании туда, где рождаются чудеса. Когда он приносит макет спектакля, диву даешься не только от красоты, но и от того, как он умело трансформирует твой замысел, вроде это то, что ты ему наплел, но в то же время это что-то и другое, ты об этом не думал, даже не подозревал что так возможно, и вот тогда и возникает чудо, которое заключается в том, что появляется пространство, где очень легко дышится и режиссеру и актерам. Рождается тот оазис, о котором мечтал подсознательно, когда думал о спектакле. Декорация становится твоим союзником, она подсказывает тебе мизансцены, подталкивает твою фантазию на дерзание, а создатель этого чуда сидит себе преспокойно в зале, позади тебя, скромно, с притворным равнодушием, тихо, без слов и только улыбается лукаво – знает цену своей работы. В даровании Мириана столько скрытого лиризма, столько ребячества, что его все время хочется хвалить. Взгляните на Мириана, когда делают декорации, когда он держит кисть и сам наносит краски на огромные щиты. У него повадки ремесленника, взгляд собранный, сосредоточенный, он становится одержи-

Монтаж декорации

мым, наверняка такое лицо было у великих, когда они разрисовывали громадные купола.

У меня беспредельное доверие ко всем тем, кто занимается театром, хотя прекрасно знаю, что такое отношение приводит чаще всего к боли, но это другая тема, она вовсе не касается Мириана. Я очень люблю с ним работать, так как доверяю ему, он ведь был моим первым художником в театре и не подвел, не показал,

что он мэтр, а я начинающий. Все было наоборот – мне казалось, что это я актер, а он что-то ... вспомогательное...

Вообще художники чудесные люди, да это безусловно так. Я обнаружил странную деталь – театральные художники люди доброжелательные, они в отличие от режиссеров и актеров, всегда рады друг другу и тактично терпят нас. Может, поэтому и есть театральные художники, которые могут работать только с конкретными режиссерами, а другим режиссерам отказывают, придумывают мифы о своей занятости.

Мириан может работать со всеми – с Робертом Стурау и с начинающим дебютантом. Он, конечно же, художник обласканный, можно сказать, счастливый, он работал почти со всеми лучшими режиссерами Грузии. Ему интересны все, потому что для него как для настоящего творца, любая новая постановка – это новый повод для творческого горения. Я сделал с ним семь постановок и каждый раз был поражен тем, как он волновался перед показом макета. Он, как начинающий художник, не может найти себе места, ходит по комнате, не смотрит в глаза, нервно курит сигарету. Если не знать, что этот маленького роста человек – один из крупных театральных художников мира, можно подумать, что он абитуриент, сдающий экзамен в художественную академию, а ведь он покоряет зрителя своей сценографией вот уже более тридцати лет. Хотя уже первый спектакль Мириана потряс театральный мир Грузии. «Кваркваре» стал не только самым лучшим спектаклем Стурау, он родил новое имя, нового

художника театра. Сцена являла нам новый взгляд на театр, и это был удивительный мир – до предела условный и в то же время очень конкретный, даже порой бытовой, натуралистический. Он сочетал в себе ирреальное с реальным, подсознание с сознанием. Можно сказать проще – это и есть его мир. Удивительный мир удивительного Мириана.

АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

ПОСЛАННИКИ ВЕЧНОСТИ

Мама моя обошла пешком чуть ли не всю Грузию и меня приобщила к этим походам. На этот раз выбор наш пал на Кахетию. Мы осмотрели достопримечательности этого изумительного края. В Гурджаани мы посетили двухкупольную церковь Всех Святых. Где бы мы ни были, повсюду нас сопровождала расстилающаяся зеленым бархатным ковром Алазанская долина и на фоне снежных вершин Кавказского хребта – величественный белокаменный собор «Алаверди».

Наша поездка завершилась в Телави, где прошло мамино детство в доме ее деда – купца первой гильдии Петрэ Ковлашвили, куда летом съезжалась многочисленная родня.

Нашим гидом был мой телавский кузен Бичико Саамов – патриот Кахетии, прекрасно знающий ее историю.

Напоследок он приберег для нас Цинандали. Здесь, в своем родовом имении, проживал грузинский поэт и общественный деятель, герой Отечественной войны 1812 года Александр Чавчавадзе. Нас ждало посещение Дома-музея поэта и прогулка по великолепному английскому парку.

В Цинандали я узнала, что у хозяина дома, кроме его знаменитых дочерей – Нины и Екатерины, музы Николоза Бараташвили, были еще сын Давид и младшая дочь Софья. Вторую свою дочь Александр Чавчавадзе – крестник Екатерины II – назвал в честь российской императрицы.

Каково же было мое удивление, когда в музее среди портретов потомков поэта я увидела портрет моей однокурсницы Эки Львовой. Бичико тоже был приятно удивлен. Оказывается, мать Эки – Ольга Ивановна по материнской линии приходилась правнучкой Давиду Александровичу Чавчавадзе. Это она передала в Дом-музей поэта картину «Мадонна» неизвестного художника итальянской школы, которая некогда украшала гостиную князей Чавчавадзе.

С Экой мы учились в одной школе. Позже встре-

тились на физическом факультете Тбилисского университета, но особенно сблизилась на пятом курсе во время совместной работы над общим дипломом.

Вот тогда я впервые попала на улицу Чайковского, к Эке домой, где сразу же почувствовала себя очень уютно рядом с ее обаятельной мамой и необыкновенно симпатичным дедушкой Иваном Дмитриевичем, оставаясь в полном неведении об этой удивительной семье. Эка никогда не рассказывала о своей родословной, возможно, в силу природной скромности и, конечно же, из-за вечного страха, испытываемого семьями репрессированных в 1937 году. О том, что Экин отец и трое его братьев были расстреляны (как и мой отец), а Ольга Ивановна и Эка пять лет провели в ссылке, я узнала много позднее.

Значительную роль в деле их спасения сыграли выдающиеся заслуги отца Ольги Ивановны – Ивана Дмитриевича Ратишвили перед Россией по сохранению сокровищ Зимнего дворца и Эрмитажа. Об этом я узнала совершенно случайно от художника Михаила Николаевича Вадбольского, близкого приятеля моего дяди, с которым его связывала любовь к шахматам. Человек многогранный по натуре, Михаил Николаевич умел целиком отдаваться увлечениям, будь то коллекционирование автографов, графика, журналистика, шахматы, бокс, геральдика. Особый интерес представляют

Эка Львова

его исследования в области истории шахмат в Грузии и грузинской геральдики. В 20-е годы Вадбольский, потеряв всех и все, вынужден был бежать из Смоленска. Его, потомственного польского князя, судьба забросила в Грузию, которая стала его второй родиной. Пер-

вое время ему приходилось ночевать в тбилисском саду «Арто», где единственная куртка служила ему одеялом и подушкой.

В тот день Михаил Николаевич с возмущением говорил о том, что человек, которому наша страна обязана спасением сокровищ Эрмитажа и Зимнего дворца,

Екатерина Грузинская

вынужден доживать свой век в жутких условиях, в темной комнатке без элементарных удобств, с полом вровень с землей... Он много писал в разные инстанции и редакции газет об этом скромном и мужественном человеке, и интерес к особе Ивана Дмитриевича вызвал настоящий бум. Началось паломничество на улицу Чайковского пионеров, которые считали своим долгом под барабанную дробь повязывать дедушке красный галстук. Потом появились съемочные группы со своими софитами, которые не помещались в камерке героя

их репортажей. Ивану Дмитриевичу, в конце концов, предоставили двухкомнатную квартиру в Сабуртало, на улице Павлова, и в этом немалая роль принадлежала Вадбольскому.

Иван Дмитриевич ушел из жизни на 90-м году, до последнего дня не прекращая работы над переводами с французского.

В новой квартире, где на стенах знаменитые предки семьи наконец-то заняли свои места, мне и посчастливилось услышать интереснейшие рассказы Ольги Ивановны.

Галерею портретов открывал

Братья Львовы

царь Ираклий II, прапрадед Ольги Ивановны по материнской линии. Царевич Александр, в отличие от своего знаменитого отца, который, подписав Георгиевский трактат, в «такой-то год вручал России свой народ...», пытался найти союзников в борьбе за независимость Грузии среди персов и северокавказских горцев. После раскрытия заговора вынужден был искать прибежища в Персии. Вскоре он женился на княжне Марии Мелик-Агамаловой. Тут Ольга Ивановна

прервала свой рассказ и предложила мне покопаться в моей родословной Агамалыанов - возможно, существуют общие корни с Мелик-Агамаловыми, и тогда мы с Экой можем оказаться родственницами...

Сын Александра и Марии - Ираклий, свет-

Тамара Чавчавадзе

лейший князь грузинский, был женат на внучке Александра Чавчавадзе – Тамаре Давидовне – видной общественной деятельнице. Она была членом Общества распространения грамотности среди грузин и попечительского комитета дворянской гимназии, председателем «Комитета погорельцев», созданного в помощь крестьянам-погорельцам Гурии. Одна из их дочерей

Ольга и Юрий Львовы

– Екатерина Ираклиевна, светлейшая княжна грузинская, и была матерью Ольги Ивановны. Теперь все становилось на свои места. С портрета на меня глядела очаровательная женщина с изумительным лицом и точеной фигурой. Надо отметить, что Эка унаследовала от бабушки не только имя, но и осиную талию. По семейной традиции, девочку, которая рождается через одно поколение, обязательно нарекают Екатериной. Кстати, внучка Эки тоже Екатерина.

Екатерина Ираклиевна владела семью иностранными языками, получила образование в Париже и Италии, где и встретилась со своим будущим супругом – князем Иваном Дмитриевичем Ратиевым (Ратишвили). Оба были молоды и необыкновенно красивы. Венчание состоялось в Тбилиси.

Иван Дмитриевич Ратиев окончил кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, служил в 44-м Нижегородском драгунском полку. Выйдя в отставку, он продолжил образование во Франции. Окончив Парижскую Академию изящных искусств, поступил на службу в Дворцовое ведомство в Петербурге помощником начальника управления Зимнего дворца.

Во время Октябрьской революции 1917 года Иван Дмитриевич не бросил своего поста. Под его руководством дворцовая охрана перенесла наиболее ценные вещи в сейфы подвального помещения сокровищницы. Ключи от нее хранились у трех человек, одним из них был князь Ратиев. «За самоотверженную защиту и охранение народных сокровищ Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября 1917 года» И.Д. Ратиеву была объявлена «искренняя благодарность» и он был назначен главным комендантом Зимнего дворца и «всех государственных дворцов и музеев Петроградского района». Под этим документом, датированным 5 ноября 1917 года, стояла подпись Владимира Ульянова (Ленина).

Во время переезда первого советского правительства из Петрограда в Москву князь отвечал за транспор-

тировку и охрану «золотого эшелона». Ему угрожали, требовали остановить состав, но Иван Дмитриевич свое задание выполнил с честью. Этот эпизод был обыгран в фильме «Посланники вечности».

Галерею продолжали портреты прапорщика Нижегородского драгунского полка князя Гавриила (Тато) Ратиева, погибшего в бою с кавказскими горцами в 22-летнем возрасте, и бабушки Ольги Ивановны – князя Дмитрия Ратиева. По указу Екатерины II старшие сыновья грузинских князей могли получать образование в России. Девятилетним мальчиком Дмитрий Ратиев был отправлен в город Орел, впоследствии женился на дочери попечителя местной гимназии Ольги Масловой и окончательно обосновался в Орле, где и родился отец Ольги Ивановны.

Ольга Ивановна вышла замуж за князя Юрия Сергеевича Львова – потомка Рюрика. Прямых Рюриковичей в России осталось не более десятка, да и те разбросаны по всей стране. После трагической гибели Юрия Сергеевича и его братьев, ветвь рода Львовых продолжилась на Эке – в 33-м колена Рюриковичей. Дедушка Эки – Сергей Евгеньевич Львов владел поместьем близ Перми и основал металлургическое производство. Его братья Алексей, Владимир и Георгий также были видными государственными деятелями. Алексей Евгеньевич – юрист, действительный статский советник, был директором Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Сохранились письма Леонида Пастернака, отца поэта, к Алексею Евгеньевичу, которые Эка передала в отдел рукописей Третьяковской галереи. Владимир Евгеньевич – дипломатический работник в западноевропейских миссиях, действительный статский советник, директор Московского Главного архива МИД. Георгий Евгеньевич до революции был депутатом I Государственной думы, основателем Всероссийского Земского союза и председателем Земгора (объединение Земского союза и Союза городов), а в 1917 году стал главой Временного правительства. Посвятивший жизнь служению России, русскому народу, Г.Е. Львов и в эмиграции заботился о своих соотечественниках, организуя для них сеть русских школ.

В 1998 году издательство «Русский путь» опубликовало его «Воспоминания». К сожалению, мемуары охватывают только детство и раннюю юность.

Он умер в Париже в 1925 году и похоронен на русском православном кладбище в Сен-Женевьев де Буа.

От Ольги Ивановны я узнала об одном из предков Ратиева по материнской линии – князе Валериане Телепневе-Оболенском, он учился с Лермонтовым в юнкерской школе. В семейном архиве хранилась подаренная поэтом шкатулка. Еще одна семейная реликвия – принадлежащий Михаилу Юрьевичу платок. По семейному преданию, дюжину таких платков с буквой «М» Нина Чавчавадзе вышила тонкой гладью в подарок поэту. Платок был передан в чавчавадзевский Дом-музей Ратиевым.

Я долго не могла прийти в себя от услышанного. Получалось, что в моей подруге слилась кровь русских и грузинских царей. Удивительная генеалогия!

По окончании университета Эка работала в Инс-

Н.Вырубов, Е.Львова

титуте физики АН Грузии, где познакомилась со своим будущим супругом - В.Н. Роинишвили, доктором физико-математических наук, лауреатом Ленинской премии. В конце 60-х годов его, специалиста по искровым камерам, пригласили в Женеву на работу в Европейском центре по ядерным исследованиям, после чего вместе с иностранными физиками он продолжал исследования на самом мощном в то время ускорителе элементарных частиц в подмосковном городе Протвино. Сюда в 1973 году переехала его семья.

Л.Роинишвили

А теперь самое время подробнее рассказать о моем кузене Бичико, Григории Ивановиче Саамове — бывшем директоре издательско-полиграфического предприятия в Подольске. Его жизнь по-прежнему прочно связана со всем, что касается Александра Чавчавадзе. Он показал мне копию автографа М. Шолохова, посетившего в 1961 году цинандальский Дом-музей поэта, из книги отзывов: «Свято храните все то, что связано с именем Чавчавадзе, с историей Грузии, с историей трогательной любви Грибоедова. Это - наша общая история, история издревле родственных культур, горестная и милая сердцу история ушедших в бессмертие».

Узнав от меня адрес Эки, Саамов навестил их в Протвино. С тех пор началась его дружба с семьей Ольги Ивановны. Этой удивительной женщины не стало в 1987 году, но кузен бережно хранит ее письма. В 2003 году, после выхода в свет его книги «Плач кукушки», Саамова приняли в Союз писателей России. В его очерке «Цинандали - обитель поэтов» немало места отведено семье Ольги Ивановны.

В ноябре 2001 года Эка получила приглашение на торжества, широко отмечаемые общественностью города Алексин в честь 140-летия со дня рождения Георгия Евгеньевича Львова. В селе Поповка, где находилось родовое имение Львовых, возле школы, построенной в 1888 году для крестьянских детей, ему установлен памятник.

Некогда Львов увез в Париж икону Смоленской Божьей Матери, которую в дни юбилея передал в дар местной церкви его родственник Н.В.Вырубов. Вернувшись в Поповку, икона как бы символизировала возвращение на родину и самого Георгия Евгеньевича.

И.Роинишвили

Было бы большим упущением с моей стороны обойти молчанием такую выдающуюся личность, как Николай Васильевич Вырубов. Во время Второй мировой войны он был участником французского движения Сопротивления, воевал под командованием подполковника Д.Г. Амилахвари. За боевые заслуги Вырубов награжден орденом Почетного легиона, двумя военными крестами и «Крестом Освобождения». Не менее интересна его деятельность и в мирное время: работа в ООН, в личном штабе де Голля, в должности помощника министра Франции по вопросам беженцев и репатриантов, председателя Земгора.

В 1999 году в журнале «Наука и жизнь», № 9 была опубликована статья о семье Львовых «Тропинка в семейном саду». Узнав через редакцию журнала адрес Эки, Вырубов написал ей письмо. Завязалась переписка, а в 2000 году в Париже произошла первая встреча двух потомков Г.Е. Львова. В лице Николая Васильевича Эка обрела не только родственника, но и друга. Оба являются составителями второго издания книги «Воспоминания» Г.Е. Львова, исправленного и дополненного ими в 2002 году.

В 2005 году Эка приезжала в Тбилиси. Будто не было этих прожитых лет, мы снова были ученицами 3-й женской школы, вспоминали только хорошее и веселое из нашей «прошлой» жизни в Тбилиси, который остается для нас самым любимым городом.

ЛАРИСА АГАМАЛЯН

АККОРД ЕЩЕ РЫДАЕТ

Десять лет отделяют нас от безвременного ухода из жизни Медеи Дзидзигури, некоронованной королевы грузинской эстрады, замечательной певицы и театрального деятеля, вписавшей яркую страницу в исполнении как несравненного русского романса, так и лучших образцов грузинской эстрадной песни.

Народная артистка Грузии Медея Дзидзигури была не только выдающейся эстрадной певицей, но и передовой женщиной своего времени, со всеми сопутствующими ему противоречиями и переживаниями. В ней, блестящей представительнице грузинской интеллигенции, выразились лучшие черты людей ее поколения.

Социально-психологическая характеристика певицы – в ее творчестве, в ее общественной деятельности – помогает нам лучше понять Дзидзигури, как яркое общественное явление своей эпохи. Для таких цельных и целеустремленных натур жизнь неотделима от их творчества. Эта ее жизнь, жизнь чувств и мыслей, протекала на том неизмеримо высоком уровне, где не было и не могло быть места для каких бы то ни было проявлений карьеризма и меркантилизма. Доказательством тому служит ее отказ от предложенного ей поста министра культуры Грузии.

Отсутствие у Медеи каких-либо карьеристических поползновений, отнюдь не означало, что сцена поглощала всю ее жизнь целиком, без остатка, являясь единственным выражением всего многообразия жизненных ощущений. Для Медеи сцена была только частью, чудесной и притягательной частью, но

не всей жизнью. Сценическое, эстрадное творчество для нее – только один из способов найти выход своей потребности общения с миром, жить полной жизнью своего поколения. Примером тому служит ее деятельность на посту директора Дома работников искусств Грузии. Влачивший жалкое существование, с приходом Медеи он буквально восстал из пепла, стал подлинным центром культурной жизни республики. Именно здесь раскрылась Медея в своем настоящем свойстве – волевой, активной женщины с незаурядными организаторскими способностями. Весь образ жизни Медеи не был «звездным». Очарование ее личности заключалось в ее внутреннем образе, в музыке ее голоса, в жизнерадостности, любви к миру, детской ясности и прозрачности, в редком чувстве юмора, романтической вере в человека, которые она сохранила до конца своих дней.

Медея Дзидзигури принадлежала к числу избранников судьбы, которым выпал горький удел – уйти из жизни в расцвете творческих сил.

Леонид Утесов

Весть о ее гибели вызвала взрыв всеобщего горя и скорби, неподдельной боли. Похороны ее стали крупным общественным событием тех дней. Все подступы к Дому работников искусств были запружены народом. Цвет интеллигенции, представители парламента и правительства, дипломаты аккредитированных в Грузии посольств пришли проститься с Медеей, отдать ей последний долг. Тбилиси провожал Медею в последний путь с почестями, которые выпадают на долю национальных героев.

«Она пришла в этот мир для любви, для песни, для самозабвенного служения красоте и искусству. Вся ее жизнь, так рано оборвавшаяся по воле рока, была похожа на ее песню, своеобразную и неповторимую по тембру голоса, по манере исполнения, по эмоциональному накалу и творческому осмыслению», - пишет в посвященной Медее книге искусствовед Нана Кавтарадзе.

В этой же книге опубликованы восторженные отзывы о Медее, о ее творчестве и человеческих качест-

ная певица-артистка и мой близкий родственник и друг, так рано ушедший из жизни. Вся моя юность связана с Медеей, с ее первыми шагами, как артистки, как творческой личности... Она всегда, без малейшего жеманства

Юрий Лужков

Медея

Иван Козловский

вах как признанных мэтров литературы и искусства, так и ее близких друзей - Анны Каландадзе, Джансуга Чарквиани, Гиги Лорткипанидзе, Джемала Сепиашвили, Роина Метревели, Зураба Анджапаридзе, Валерия Асатиани, Тенгиза Сухишвили, Кетеван Кикнадзе, Зиновия Высоковского, Мацацо Себискверадзе, Мераба Табукашвили, Мананы Шарашидзе, Лии Хугашвили, Инги Тбилели, Тамрико Чохонелидзе, Майи Датунашвили, Изы Орджоникидзе, Михаила Лавровского.

Приведу несколько строк из статьи Михаила Лавровского: «Имя Медеи Дзидзигури вызывает у меня самые радостные и грустные чувства. Замечатель-

(что всегда свидетельствует о настоящем артисте) с радостью пела для всех, кто просил ее об этом. И те, кто не знал Медею до этого момента, после всегда были очарованы ее исполнением и ее талантом. Я лично не знаю тех людей, кто не любил ее. Может, и были такие, но я не знал их... Была ли она эмоциональна? Да, очень, как ее родные, как ее нация. С полной эмоциональной отдачей относилась она ко всему, к чему прикасалась - и к искусству, и к людям и к самой жизни... Эта маленькая, изящная женщина обладала мощной волей и характером... Медея щедро дарила нам свой талант, свой темперамент, чувство весны, молодости, светлого, активного оптимизма и, конечно, свою искреннюю любовь и участие к людям. Не безразличность. Кто с ней был знаком, забыть ее не сможет - она бессмертна в наших чувствах...»

Я готов подписаться под каждым словом нашего с Медеей Миши. И от себя лично хотел бы адресовать Медее, слегка перефразировав, строки Семена Надсона: «Не говорите мне - «ушла», она живет!/ Пусть жертвенник разбит -/ огонь еще пылает,/ Пусть роза сорвана -/ она еще цветет,/ Пусть арфа сломана, аккорд еще рыдает!..»

ГИВИ БАРАТАШВИЛИ

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИИ

Горская пословица гласит: «Гость в дом – бог в дом». И даже суматошному времени закон этот не подвластен. Путника не просто пригласят к ужину, а подарят частичку сердца. Даже в фешенебельной гостинице не встретишь порой такого уюта, как в горной сакле... В Хевсурети много лет назад Тамара Гелашвили, художник по войлоку, сделала свой творческий выбор. Молодая, полная энтузиазма, она путешествовала с группой альпинистов по горным регионам. Тогда и положила глаз на войлочные ковры, украшавшие полы и стены домов. Ведь зима в Хевсурети – долгая, снежная, коротают ее за рукодельем или другой увлекательной работой.

Горцев можно было считать единственными хранителями традиции кавказского войлока. В 70-е этот материал не пользовался популярностью и встречался

преимущественно в музейных коллекциях. Тамара Гелашвили отправилась в Панкиси, где в то время был небольшой цех по изготовлению пастуших бурок. Местные женщины приняли ее радушно и посвятили в тайны технологии. Таким было начало.

Во время многочисленных поездок по Союзу и за границей Тамара Гелашвили изучала историю и особенности войлока – гостила в юртах, катала войлочные ковры с дагестанскими, ингушскими, турецкими, венгерскими мастерами, наблюдала за производством валенок. У разных сортов шерсти – разные качества.

Войлок из кавказской шерсти, в отличие от мериноса – жестковат, но зато очень прочен. Бурка, к примеру, не пропускает ни дождь, ни снег. Ее нельзя пробить и кинжалом. Неслучайно в старину войлочную одежду носили грузинские воины. У войлока почтенный возраст – его употребляли еще в эпоху ранней бронзы. Это универсальный материал, применяемый в самых разных отраслях, в том числе – в космической (для утепления стен космических кораблей), музыкальной (для молоточков в рояле). «Из войлока можно и скульптуры создавать, – говорит Тамара Гелашвили. Он столь же пластичный, как глина».

Тамара Гелашвили долгое время оставалась в числе лучших специалистов в Грузии по художественному войлоку, удачно экспериментируя с полюбившимся материалом: ковры, одежда (кстати, без единого шва), головные уборы, аксессуары. Если имеются в наличии заготовленная шерсть и эскизы, можно изготовить ковер за полтора – два часа. Но это только с позиции непосвященного – легкое ремесло. Войлок требует терпения, здоровья и непрерывного внимания.

- Для начала шерсть окрашивают в нужные цвета, просушивают и расчесывают на специальных гребнях, – рассказывает Тамара Гелашвили. – На циновке или полотне раскладывается орнамент будущего ковра, который постепенно заполняется цветной шерстью. Потом смачивается кипятком и аккуратно скатывается в рулон. Нужно перевязать его в нескольких местах, чтобы не «съехал» рисунок. И можно приступать к валянию (катанию локтями). Если ковер большой, катают его в ряд сразу несколько женщин. Чем плотнее ковер, тем больше постарался мастер.

Впервые с работами Тамары Гелашвили тбилисцы познакомились в 1975 году, когда прошла ее персональная выставка. Художница волновалась, но выставка имела успех и автора задали цветами. Потом последовали экспозиции в Риге, Москве, Баку. Зритель всегда приходит за загадкой, и автор, человек по натуре поэтический, предлагала ему свою концепцию мироздания – «Минотавр», «Волосы Вероники», «Земля первых переселенцев», «Семья»... Идей у художницы много и она готова покорять любой материал. Когда не было под рукой шерсти, увлеклась декоративной керамикой – расписывала серебром тарелки. Так появилась оригинальная коллек-

Т.Гелашвили

ком-иллюстратором. Преподавала в Политехническом институте технический рисунок.

Попробовала себя и в других творческих ипостасях. Будучи дизайнером по мебели в конструкторском бюро Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности Грузии создавала эскизы спальных гарнитуров и мебели для детей. Проекты Тамара Васильевна возила в Москву на утверждение художественного совета. В свое время городские модницы носили сумочки, сшитые по эскизам художницы (период работы в «Кожгалантерее»).

Тамара Васильевна отдает много времени занятиям с учениками. Есть среди них серьезные, не ждущие сиюминутных результатов, есть и такие, кто ограничивается экспресс-практикумом (как много ныне художественных салонов с китчевыми войлочными аксессуарами). Что ж, считает художница, каждый волен делать свой выбор. И все-таки в творческой группе молодых художников «Studio-XG», которой она руководит, Тамара Гелашвили хочет видеть достойных преемников.

В 2004 году в Москве прошла персональная выставка Тамары Гелашвили по художественному войлоку. Много доброжелательных отзывов и конкретное предложение президента Российской Академии художеств, скульптора Зураба Церетели предоставить в будущем одну из своих галерей для новой экспозиции.

О заметных событиях в жизни грузинских мастеров по войлоку, о собственных маленьких открытиях и радостях Тамара Васильевна пишет в журнал Международной ассоциации художников по войлоку, членом которой состоится. Мысли о почивании на лаврах ей незнакомы, а

ция, выполненная в технике традиционной грузинской керамики. Попадет на тарелки лучик неонового света и начинают они мерцать, оживают. Чудятся легкие «Ночные шорохи», застенчиво склоняет голову «Дама Пикассо», воркуют «Влюбленные»...

Тамара Гелашвили признается, что охотно оформила бы таверну или духанчик. Ее привлекает работа с интерьером и раньше такая возможность представлялась часто. Художнице доводилось оформлять детские поликлиники, дома отдыха на Черноморском побережье, гостиницы, кафе. Разная тематика, разный материал – войлок, гобелен, керамика... Какое-то время работала художни-

потому – новые планы: продвигать созданный ею в 2000 году проект по сохранению и развитию народных ремесел в горных регионах Грузии. Начнет с Панкиси, где некогда простые люди обучали ее секретам профессии. Многопрофильный художественный колледж мог бы заполнить эту брешь.

Будем надеяться, что Тамара Гелашвили использует свой талант и у нее все получится. Недаром же в ее мастерской хранятся награды за вклад в искусство и укрепление дружеских отношений и культурных связей между народами.

МЕДЕЯ АМИРХАНОВА

О ТБИССКОЙ ОПЕРНОЙ «МОЦАРТИАНЕ»

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. А. МОЦАРТА

Известно, что оперы Моцарта, такие, как «Женитьба Фигаро», «Дон Жуан», «Волшебная флейта» - одинаково сложны и для сценической интерпретации и для слушательского восприятия. С большими перерывами, «перепрыгивая» через сезоны, театральные афиши во все времена оживлялись сообщениями о премьерах опер Моцарта. Подобная эпизодичность утвердилась и в Тбилисском оперном театре, однако, с его сцены последние двадцать три сезона не сходит «Дон Жуан»!

Спектакль, заложивший начало оперной «моцартианы» в Грузии (25.10.1867), в своих возобновлениях обнаружил интересную закономерность - укрупнение роли «пародирующего двойника» (М. Бахтин) Лепорелло вплоть до приравнивания его к главному герою. В постановке 1901 года, например, ария со списком иллюстрировалась длинной вереницей раскрашенных женских фигур, как бы подтверждающих причастность Лепорелло к похождениям своего патрона («...эффект давно отброшен, - замечает В. С.

Ананов в рецензии на спектакль 1921 года, - одних испанок - 1003 - не нарисует»). На переднем плане Лепорелло оказывался и в позднейших спектаклях - Эмиля Пасынкова (1965), Михаила Туманишвили (1983). Если в первом из них переакцентировка происходила спонтанно, из-за различия в возможностях вживания в образ (его замечательными интерпретаторами были Ираклий Шушания и Коля Надибаидзе, унесенные смертью в расцвете таланта и мастерства), во втором она проистекала из отношения режиссера. Именно образу Лепорелло сообщил Михаил Туманишвили черты магнетической притягательности, дав прозвучать арии со списком в окружении красоток, которые слетались со всей Севильи на голос лукавого наперсника эпикурействующего сеньора (в таком толковании предстал Лепорелло в блестящем исполнении Пааты Бурчуладзе).

«Свадьба Фигаро» на сцене тбилисского оперного театра была поставлена лишь однажды - в 1888 году, с русским текстом П. И. Чайковского. В таком виде она перекочевала в репертуар оперных студий - сначала частной студии Е. К. Ряднова (1916), затем студии при консерватории (начало тридцатых годов), где первым исполнителем заглавной роли был легендарный Давид Гамрекели (1911-1977). Свою арию «Мальчик резвый» он исполнял на фоне «живой» декорации - бассейна с плещущимися рыбками. Еще одна постановка - студенческий спектакль выпускников 1965 года - (режиссер Шота Агсабадзе) - запомнилась огненной динамикой в развертывании событийности, искрометным юмором в обыгрывании мизансцен, великолепным составом исполнителей; в их числе была Женя Целовальник, в будущем солистка Мариинского оперного театра и народная артистка СССР. В другом выпускном спектакле (1989, режиссер Нодар Джапаридзе) главных персонажей изображали получившие в скором времени мировую известность Иано Алибегашвили и Ладо Атанели. Надо сказать, что и в этой опере произошла переакцентировка значимости персонажей - благодаря игре Целовальник, а впоследствии и Алибегашвили, главной героиней стала графиня Розина.

Наконец, постановка «Волшебной флейты» (1975, режиссер Герман Веденкинд, дирижер Зигфрид Келлер), первой оперы Моцарта, прозвучавшей на грузинском языке, явилась художественным итогом творческого содружества тбилисской оперной труппы с деятелями саарбрюкенского музыкального театра.

После такого экскурса вниманию читателя предстоит сосредоточиться на спектакле, о котором упоминалось лишь вскользь - поставленном 28 января 1921 года «Дон Жуане». Об исключительном значении этой постановки свидетельствует уже ее дата - за три недели до вторжения большевиков и смены политического режима. Таким образом, «Дон Жуан» последняя оперная премьера в независимой Республике Грузия.

Есть и другие причины, выделяющие этот спек-

такль. За премьерой стоит высокий пример работы прессы - как в подготовке массовой аудитории к восприятию оперы Моцарта (А.Н.Черепнин, газета «Борьба»), так и рецензировании спектакля (В. С.Ананов, газета «Слово»). Постановка принадлежит видному театральному деятелю и режиссеру, автору сценических интерпретаций первых грузинских опер, художественному руководителю тбилисского оперного театра на протяжении тридцати семи лет (1918-1955) Александру Ражденовичу Цуцунаву; это первый опыт его работы над европейской оперой. Наконец, с дирижированием «Дон Жуана» завершается деятельность в грузинской столице Николая Николаевича Черепнина. Имя это, хорошо известное в Европе и Америке, быть может, ничего не говорит читающим эти строки, однако, оно прочно вписалось в историю грузинской культуры.

Н.Н.Черепнин, известный русский композитор, дирижер Мариинского театра и Русских сезонов в Париже, концертирующий пианист, профессор Петербургской консерватории, в классе которого занимались А.Гаук, С.Прокофьев, Ю.Шапорин. В 1918 он был приглашен в Тифлис на должность директора консерватории и главного дирижера оперного театра. В эту же консерваторию поступил его сын Александр, в дальнейшем выдающийся композитор XX века. Масштабы дарования юноши сразу распознал В.С.Ананов: «какие безбрежные перспективы открыты этому ... титаническому размаху, вулканическому темпераменту, сатанинскому характеру! - захлебывался от восторга критик после авторского вечера. - Это еще львенок, но все в нем львиное».

Интенсивная педагогическая работа Н.Н.Черепнина, дирижирование оперными спектаклями и симфоническими концертами, сольные и ансамблевые выступления вызывали горячий отклик общественности. «Пожелаем только, чтобы его пребывание в Тифлисе не было кратковременным», - писала газета «Борьба». Однако, жизнь распорядилась иначе. Работая над «Дон Жуаном», Н.Н. Черепнин четко осознавал необходимость немедленной эмиграции, что само по себе достаточно драматично. Однако, предстоящие события несколько не омрачали радость Черепнина-младшего, активного корреспондента музыкальных рубрик тифлиских газет, в предвкушении премьеры; для него это высокаторжественное событие, «очень крепкий факт», светлый праздник. Предпосылая опубликованному накануне премьеры очерку цитату из письма Моцарта к своему другу Жакину (Готфриду фон Жакину. - М.К.), критик вводит читателя в ауру тех чувств, которые переполняли автора оперы после пражской постановки.

Опера Моцарта рекомендуется меломанам как совершенный памятник человеческого гения, одно из величайших достижений оперного искусства. «Ценность «Дон Жуана», - говорится в очерке, - можно сравнить разве лишь с ценностью мадонн Рафаэля, «Тайной вечери» Леонардо да Винчи или других незыблемых произведений бессмертных творцов изобразительного искусства». Главную заслугу пос-

тановщиков критик видит в намерении «вырваться из тисков шаблона и дешевого успеха», к которым так предрасполагает господство представляющих «мировой репертуар» спектаклей итало-французского происхождения. Суждения А.Черепнина отнюдь не беспристрастны. «Музыкальные достоинства здесь не играют первенствующего значения. Удобство партии певцов, живость сцены, легкость для понимания публики – таковы факторы, которые заставляют принять ту или иную оперу в «мировой репертуар», вот то, что заставляет предпочесть *грубого (!), но впечатлительного* «Севильского цирюльника» прекрасной и тонкой в музыкальном отношении «Свадьбе Фигаро». (курсив мой – М.К.).

Постановка «Дон Жуана» выдвигала перед прессой сложные просветительские задачи. Энциклопедически эрудированный журналист и, судя по всему, профессионально образованный музыкант В. С. Ананов развернул на страницах газеты «Слово» обширную панораму литературных и философских толкований «дидактической поэмы о безбожном развратнике, наказанном за свое богохульство». На фоне вынужденной культурной изоляции Владимир Степанович находит возможности следить за событиями на европейских сценах, сообщая читателю, например, о том, что в Париже с успехом идет пьеса Анри Батайля «L'homme a la rose» с эффектной сценой мнимых похорон главного героя. Этот розыгрыш понадобился дон Жуану для того, чтобы подсмотреть, как будут его оплакивать обольщенные им прелестницы.

Александр Черепнин, для которого восприятие музыки своего рода созидательный акт, призывает меломанов «к большому творческому вниманию». Путь к нему лежит через настойчивое пополнение знаний, расширение художественного кругозора, совершенствование интеллекта.

Пересказ Черепниным легенды о сеvilском обольстителе сменяется сжатым обзором ее литературных и музыкальных воплощений; последние, по свидетельству автора, ведут начало от «грубого фарса Летелье, исполненного в 1713 году на Сен-Жерменской ярмарке».

Приступая к разбору оперы, Черепнин знакомит читателя с личностью аббата да Понте, автора либретто, которое написано «живым, легким языком; притом драматизм сюжета, приводящий к трагической развязке, перемешан с веселыми деталями», что и определило авторское обозначение жанра – *dramma giocoso*. Однако, последнее знаменательно для критика не парадоксом двойственности, а тем, что «здесь впервые появляется само наименование драма, что ... кажется как бы предвосхищением путей будущего развития оперной музыки, ... в нем («Дон Жуане». – М.К.) мы можем найти зачатки немецкой оперы, исходные точки Вебера и Вагнера».

Параллель Моцарт-Вагнер присутствует и в рецензии Ананова, однако, под противоположным знаком. В представлении этого критика оперное творчество Моцарта – полный антипод вагнеровского театра. Подобная оценка исторического значения вагнеровского театра впервые была высказана критиком за год до постановки «Дон Жуана», перед тифлисской премьерой «Лоэнгрин». И что же? Публика повалила на спектакль, который, в противоположность «Дон Жуану», сразу сделался кассовым.

Как уже говорилось, премьера состоялась в тяжелейших для республики условиях. «... постановка натолкнулась на непреодолимые препятствия, - сообщает Черепнин, - однако Государственным театром было сделано все от него зависящее, чтобы обставить оперу возможно лучше: большое количество репетиций с певцами, оркестром» (это тем более знаменательно, что в относительно ранние периоды оперы нередко шли с 1-2 репетиций). В результате ансамбль, этот самый уязвимый компонент большинства постановок и главная мишень критических выпадов прессы, «ансамбль не случайный, а результат хорошей репетируемости», оказался «лучшей стороной спектакля», к чести Н.Н.Черепнина, стоявшего за дирижерским пультом (правда, Ананов, высоко оценивая сопровождение оркестра, предъявляет серьезные требования к звучанию увертюры). А.Черепнин отзываясь о «ровном и стройном исполнении певцов», которые с большой любовью отнеслись к делу и хорошо зна-

Н.Черепнин

А.Черепнин

Оба рецензента – Черепнин перед премьерой, Ананов после нее, уже удостоверившись в отсутствии зрительской эмпатии, - предупреждают о том, как непросто понимание музыки Моцарта для непосвященных лиц. «К светлomu его приятию нужен какой-то искус, какая-то озаренность», - утверждает Ананов.

ли свои партии. По мнению Ананова, образу донны Анны, в интерпретации Ольги Рысс, при всей красоте голоса и впечатляющей внешности артистки, не доставало трагизма; Церлина - Бураго-Цехановская - больше походила на кокетливую субретку, чем на крестьянку; представлявший Лепорелло замечательный комический актер Демьяненко разыгрался лишь в сцене пира, в то время, как в арии со списком у него не было ни дикции, ни фразы. Однако, дон Жуан в исполнении Балабана был поистине великолепен - красив, изящен, благороден в своих элегантных костюмах, которые беспрестанно менялись. Восхищение рецензента вызывает мимическое дарование артиста; при этом он выделяет «мимический контрапункт» эпизода приглашенных на бал крестьян и перемигивания с Церлиной.

Делая упор на гармоничном сочетании «простоты линий» постановки с «мудрой простотой моцартовской фактуры», Ананов возмущается заменой речитативов разговорными диалогами, находя в этом «нечто варварское, возмущающее ухо, оскорбляющее оперу». Он утверждает, что «Моцартом все речитативы написаны», и при этом ссылается на Б.Б.Корсова, сообщившего ему, что видел в библиотеке Парижской консерватории подаренную Полине Виардо авторскую рукопись со всеми речитативами *сesso*. Черепнин же, неудовлетворенный «чересчур легкомысленной» постановкой сцены крестьянской свадьбы и «неэффективной» режиссерской интерпретацией эпизода появления Командора, с большим одобрением отзывается о картине бала в замке сеньора и сцене на кладбище.

Автор сценографии «Дон Жуана» - Виктор Андреевич Симов. Свой путь художника-декоратора он начал в театре С. Мамонтова, где партнерами его по оформлению оперных спектаклей были Левитан, Коровин, Поленов. С созданием МХАТа Симов сотрудничал со Станиславским, который провозгласил его родоначальником нового типа сценических режиссеров, убедительно обращавших изобразительные средства на раскрытие драматической идеи произведения. «Виктор Андреевич, - писал Станиславский, - проникает в самую гущу настроений пьесы, в ее глубокие душевные тайники...Открывая сверхзадачи и сквозное действие драматического произведения, он становится его истолкователем». В Тифлис Симов был приглашен в 1919 году на должность зав. художественной частью открывающегося киноателье. Надо полагать, что к работе в опере, где утвердился художник-декадент А.Зальцман, его привлек А.Р.Цуцунава, художественный руководитель и комиссар оперного театра, творческая жизнь которого начиналась в составе Первой студии МХАТа.

В симовском оформлении спектакля Ананов выделяет сцену сельского праздника, где, по его словам, дымчатая завеса придает происходящему на сцене сходство с изображением на старинном фарфоре, затем - декорацию в эпизоде перед домом Эльвиры,

В.Симов

А.Цуцунава

с достоверностью воплотившую дух Испании.

Сценография всегда была предметом особого внимания А.Черепнина. Присущие ему полнота видения сцены, зоркость охвата деталей поистине не знали предела. Условия, предъявляемые им театральной живописи - верность духу эпохи и национальной окраске, целостность стиля (качества, катастрофически изживаемые в настоящее время). В этом А.Черепнин, парнасец и декадент, сходил с положениями сценической эстетики выдающегося реформатора балета М.М.Фокина, творческого союзника Н.Н.Черепнина. Что же касается сценографии «Дон Жуана», выполненные по эскизам Симова декорации кажутся критику громоздкими, затруднительными для передвижения. Опасаясь затянутости антрактов, этот двадцатилетний юнец предлагает вариант корректуры: «Может быть, многое можно было бы ставить в сукнах, разбивая сцену на небольшие части?»

Еще один участник постановки «Дон Жуана» автор его хореографии выдающийся танцовщик и балетмейстер XX века М.М.Мордкин, который пронесся над сценой Тифлисского оперного театра подобно прекрасной комете, навсегда оставшись в памяти старожилов в облике «Итальянского нищего» на музыку Сен-Санса.

Заканчивая очерк, хочу сказать, что «Дон Жуан» в постановке Цуцунава я воспринимаю как театральный мемориал, воплотивший и прощальный взмах дирижерской палочки Н.Н.Черепнина, и последний всплеск феерического плаща Мордкина, этого новоявленного Адониса, и свидетельство работы блистательного театрального художника Симова, и, наконец, той неблагодарной и благородной миссии, которую возложила на себя музыкальная пресса, неустанно направляя, воспитывая и совершенствуя вкусы массовой аудитории.

МАРИЯ КИРАКОСОВА

ЛЫЖНЯ В СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЕ

Полет Кобы Цакадзе

Замысел поначалу показался многим фантастическим. Лето в разгаре, солнце припекало и плавало асфальт. Как в этих условиях провести летнее первенство Тбилиси по горнолыжному спорту? Но идею поддержал городской комитет физкультуры, и 25 участников необычного первенства, не по сезону экипированные, с лыжами на плечах, отправились в путь. Машины доставили их до села Казбеги, а дальше предстояло пройти 18 километров в горах, через альпийские луга и ледники, в район метеостанции, на высоту 4000 метров и к подошве горы Орцвери. Соревнования двоеборцев принесли успех студенту института физкультуры В. Махатадзе. Первым его поздравил инициатор и главный судья соревнования Валентин Носков.

К июлю 1955 года, а именно к тому времени относятся события летнего чемпионата Тбилиси, имя Носкова о многом говорило специалистам лыжного спорта.

Разговор о Валентине Носкове-спортсмене следует начать с событий давно минувших дней, когда заведующий учебной частью центральной легкоатлетической школы Наркомпроса Грузии Борис Тахтаров приметил его, победителя городского юношеского первенства, и

взял в свою группу. Этот ноябрьский день 1939 года стал судьбоносным для тбилисского паренька, который начинал с легкой атлетики – с бега на 800 метров.

Через два года стал студентом Грузинского института физкультуры, окончил его с отличием в сорок пятом, был оставлен на кафедре лыжного спорта и альпинизма. И проработал здесь старшим преподавателем 54 года! Был заместителем заведующего кафедрой по учебной части, сочетая педагогическую и научно-исследовательскую работу. Многократный чемпион Грузии по лыжным гонкам на 30 км, в эстафетных гонках 4x10 км, автор 22 научных трудов по вопросам истории, методике обучения лыжников, 28 лет оставался старшим тренером грузинской сборной, неся ответственность за научное обеспечение подготовки лыжников, работал в комплексной бригаде по санному спорту со сборной командой СССР, участвовал в строительстве бакурианских лыжных трамплинов и трасс, канатных дорог и спортивных баз.

Среди воспитанников заслуженного тренера Грузии, а это звание Валентину Носкову присвоено в 1967 году, и заслуженного работника спорта (2002 г.) немало мастеров спорта и мастеров спорта международно-

го класса. Достаточно назвать заслуженного мастера спорта Кобу Цакадзе (сохранилась в семейном архиве Носковых курсовая работа знаменитого бакурианца «Тренировка прыгуна на лыжах с трамплина в подготовительном периоде»), а еще можно назвать чемпионов СССР: трехкратного в скоростном спуске и слаломе Михаила Гавву, Ивана Макропуло в двоеборье, Дмитрия Тваури в слаломе среди молодежи...

– Особо следует сказать о Кобе Цакадзе, – говорит мне Валентин Дмитриевич, – его недаром прозвали «летающей торпедой» из Бакуриани. Коба в 1959-1965 гг. учился в Грузинском институте физкультуры, и я горжусь, что в его выдающихся успехах (участник зимних Олимпиад в Кортина д'Ампеццо, Скво-Велли, Инсбруке, Саппоро, шестикратный чемпион СССР, трехкратный обладатель Кубка СССР) есть и скромная толика моего труда, наряду с заслугами еще двух его воспитателей – П. Деметьева (Ленинград) и Н. Тваури (Бакуриани).

Прыжки на лыжах с трамплина называют спортом смелых и мужественных. Упорными тренировками Коба совместно с тренерским советом Федерации зимних видов спорта Грузии разработал совершенную по тем временам технику прыжка, и в 38 лет оставаясь действующим спортсменом. Кстати, свой многолетний опыт тренировок Коба Цакадзе обобщил в дипломной работе, удостоенной отличной оценки. Стиль его полетов, а именно так называют прыжки на лыжах с больших трамплинов, долгие годы оставался образцовым. Прыгая этим стилем, армеец из Ленинграда Владимир Белоусов победил на большом трамплине на зимней

Р.Чернышева, Л.Болдырева, И.Носкова

Олимпиаде в Гренобле (1968 г.).

Но не только «летающие лыжники» и мастера скоростного спуска и слалома оттачивали свое мастерство под началом Носкова. Многие годы Валентин Дмитриевич проводил в Бакуриани учебные сборы студентов-инфизкультуровцев. А еще занятия по общефизической подготовке с футболистами тбилисского «Динамо», когда в нем блистали выдающиеся мастера кожаного мяча Борис Пайчадзе, Михаил Бердзенишвили, Автандил Гогоберидзе, Георгий Антадзе...

В 40-80-х годах Валентин Дмитриевич, судья всесоюзной категории, бессменный главный судья соревнований на Кубок СССР по лыжному спорту, избирается членом президиума республиканской Федерации лыжного спорта, председателем тренерского совета и судейской коллегии.

За большой вклад в развитие спорта в Грузии, физическое воспитание молодого поколения, подготовку высококвалифицированных кадров, плодотворную педагогическую и общественную деятельность Валентин Носков в 2002 году к своему 80-летию награжден Орденом Чести.

Большая славная жизнь, и все эти годы он в центре спортивных событий. Вместе с супругой – Ириной Мечиславной, в прошлом рапиристкой. Родилась она в семье инженера-железнодорожника. Предки Мечислава Иоанновича Кмесинского переселились в Грузию из Польши в XIX веке. И сестры ее (трое их было, совсем по Чехову) пошли по стопам отца – окончили Закавказский институт путей сообщения. А ее потянуло в физкультурный.

Она проявила бойцовский характер в студенческие годы, когда заслуженный мастер спорта доцент Лев Васильевич Головня разглядел в первокурснице задатки отменной фехтовальщицы, привлек ее к занятиям. Ира Кмесинская через год на равных сражалась с опытными мастерами клинка. В первенствах Тбилиси и Грузии неизменно занимала призовые места, стала обладательницей Кубка

К.Цакадзе

В. Носков

Грузии, семь лет выступала за сборную республики. А потом выпускницу инфизкульты (к 1950 году она успела окончить и аспирантуру) можно было увидеть на соревнованиях в Москве и Ленинграде. Ирина, студентка Ленинградского медицинского института, все шесть лет учебы во втором для нее вузе, выдвинулась в ряды сильнейших спортсменок города на Неве, стала мастером спорта.

На сборах тренируется с заслуженным мастером спорта москвичкой Раисой Чернышевой. В олимпийском 1952 году – дебютном для советских спортсменов – обе среди участниц всесоюзного турнира...

Но оставив все дела в Тбилиси, приехал за ней в Ленинград Валентин Носков. Вместе они создали удивительно дружную, поистине тбилисскую семью. А как же мечты о спортивных победах? Из спорта она не ушла, посвятила ему всю жизнь.

Окончив с отличием Ленинградский мединститут, Ира возвращается домой, начинает работать в Грузинском институте физической культуры и по совместительству во врачебно-физкультурном диспансере N1.

Несет ответственность за медицинское обследование спортсменов сборных команд Грузии по различным видам спорта и всего контингента студентов Академии физического воспитания и спорта Грузии.

Факт, заслуживающий особого уважения и не имеющий себе равных – общий трудовой стаж супругов Ирины и Валентина Носковых в этом вузе насчитывает 106 лет!

Удивительный по спортивному долголетию труд Ирины Мечиславны был отмечен двумя дипломами Международного олимпийского комитета за подписью его президента Хуана Антонио Самаранча. Это – награда отличнику здравоохранения и ветерану труда, так много сделавшей во благо грузинского спорта. Врач высшей категории по лечебной физкультуре и спортивной медицине Ирина Носкова ведет плодотворную научно-исследовательскую деятельность (ей принадлежат 10 научных трудов), многие ее работы напрямую связаны с вопросами подготовки грузинских спортсменов-олимпийцев, и в частности, к Играм в Мехико. Уже одно это позволяет причислить их автора к олимпийцам. К ее выводам и рекомендациям прислушиваются ведущие специалисты, берут на ка-

И. Носкова

рандаш, вносят коррективы в тренировочный режим. Тетя Ирина (хорошо, что еще так зовут, говорит мне сегодня с улыбкой) – неременная участница – врач соревнований городских и всегрузинских по фехтованию и легкой атлетике, опровергая мнение, что спорт и возраст несовместимы.

И сын Носковых, Александр, выпускник Грузинского политехнического института и грузинского инфизкульты, инженер-мостовик, не новичок в спорте – чемпион республики по каратэ, обладатель черного пояса. Вместе с родителями, на редкость скромными и обаятельными людьми, он принадлежит к армии преданных работников спорта, которые, как невидимая подводная часть айсберга, придают ему устойчивость, силу, способствуют его славе и всенародной любви.

АРСЕН ЕРЕМЯН

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge

 ბანკი ქართვ
CARTU BANK